

ЭЛИНА ГРАДОВА

МОЙ
СЛАДКИЙ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Элина Градова

Мой сладкий

«Автор»

2026

Градова Э.

Мой сладкий / Э. Градова — «Автор», 2026

Он поставил на кон себя. Я выиграла. Теперь его тело — моё... или это ловушка? Меня наняли как медсестру для богатого мальчика. Оказалось — он взрослый, красивый и... невыносимо упрямый. ✓# Диагноз: сахарный диабет. ✓# Характер: гений-программист, который ненавидит жалость. ✓# Особенность: проиграл себя в карты — и теперь обязан подчиняться. Но что делать, если: ✓# Он слишком спокоен для проигравшего. ✓# Слишком уверен — будто планировал это. ✓# Слишком горяч — когда я касаюсь его не как медсестра... Это история не о болезни, а о доверии и силе любви. О ставках, где проигрыш — начало игры. И о том, как два упрянца шаг за шагом идут навстречу друг другу. Будет жарко. В прямом и переносном смысле. Инсулин, азарт, сумасшедшие чувства и одна очень странная сделка...

© Градова Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	6
Глава 2.	9
Глава 3.	12
Глава 4.	14
Глава 5.	16
Глава 6.	19
Глава 7.	21
Глава 8.	24
Глава 9.	27
Глава 10.	29
Глава 11.	32
Глава 12.	34
Глава 13.	36
Глава 14.	38
Глава 15.	40
Глава 16.	42
Глава 17.	44
Глава 18.	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Элина Градова

Мой сладкий

Пролог

Выхожу из банка и ничего не понимаю. Не могу мозги в кучу собрать, и в душе гулко и пусто. Меня как будто накрыло взрывной волной, и теперь нахожусь в состоянии тяжёлой контузии, мир вокруг отгорожен пеленой.

Куда-то плетусь без разбора и направления, и только истеричный сигнал легковушки, и визг тормозов вытряхивают из оглушающей ватной тишины в реальность,

– Ты – дура?! Жить надоело?! – разъярённый водитель выскакивает навстречу, остальные тормозят.

– Да! – делаю открытие, – я – полная дура! И жить мне незачем! – и падаю, будто этими словами уже сама лишила себя жизни.

– Эй! Ты охренела? – кажется, подхватил...

Потом, видимо, провал сознания...

– ...Слушай, Анна Каренина, может скажешь, куда тебя отвезти? – я в машине. А за рулём тот самый мужик, что хотел меня прибить на дороге.

– Вы хотите меня отвезти? – повторяю вопрос, будто механическая кукла.

– Естественно! Пока ты ещё кого-нибудь под монастырь не подвела! Вам-то, пешеходам что? Отдохнёте в травматологии или сразу на кладбище, а нам – водилам – тюрьма! И разбираться не станут, что всего лишь исполнил голубую мечту суицидника!

– Простите, – извиняюсь машинально, – не подумала о Вас.

– Да о чём ты вообще думала, дурёха?! – дядьке за пятьдесят, видно, что нормальный, но зол ужасно, – у меня дочка примерно твоя ровесница! Езжу без нарушений всю жизнь и вот, считай, что дочь кидается под колёса! Как жить-то после этого?

– А мне как жить? – вот в чём вопрос! Хорошо, что помог сформулировать задачу, – спасибо, поищу другой способ, – выхожу из авто.

– Стоять! – командует почти отец, – поехали! Знаю одно спокойное местечко, расскажешь свою беду, а потом домой отвезу к мамке и папке, пускай жопу надерут, как следует!

Глава 1.

А начиналось смешно. Анекдотично. Хохотали до колик в животе. Ленка, захлебнувшись чаем так, что носом пошёл, да и остальные до слёз веселились.

Ещё бы! Назначили какому-то Кузнецову физио левой стопы, а поскольку лежачий, пришлось с переносным прибором топать, вернее, ехать в лифте. Пришла, кликнула Кузнецова, отозвался. Ничего такой дяденька, лысенький, пузатенький, чистенький вроде. Правда, ногу давать не хотел, но я назначением перед носом потрясла, в буквы натыкала,

– Кузнецов?

– Ага! – подтвердил. А, раз так,

– Будьте добры! – отдался, как миленький. Кто ж с бумажками-то спорить будет!

Полечила и с чувством выполненного долга, пошла назад, в своё физиотерапевтическое. Слава Богу, у нас в основном народ ходячий, девочкой по вызову бегать приходится не часто.

То-то было возмущения, когда к концу рабочего дня из травмы позвонили,

– Девки, вы там совсем обнаглели?! Кузнецова нашего собираетесь лечить? Он уже достал! Когда придёте? – что за чертовщина?

– Мань, ты кого лечила-то сегодня? – это старшая наша Юлия Николаевна.

– Кузнецова! Могу клятву Гиппократову хоть на крови дать! Не налево же ушла с прибором?

– Слушай, сходи к нему ещё раз! Пускай поглядит на тебя, может вспомнит, что была уже? – ворчит, – мозги что ли отлежал?

Снова беру прибор, поднимаюсь в травму, топаю в ту же палату,

– Кузнецов! – сейчас вторую ногу за жарю!

– Я за него! – подпрыгивает, насколько это возможно в его положении, полтела в гипсе, да ещё и на вытяжке.

Смотрю, совсем другой мужик! Палата такая же. Они стандартные на четыре койки, и лежит в том же углу. Остальные не лучше. Прямо кунсткамера, сплошные мумии: руки, ноги, а у соседа корсет на весь корпус.

И где же я была утром? Ладно, подумаю об этом потом. Иду к Кузнецову.

– Ну, давай лечиться! – дежурная фраза, а мозги набекрень. Хорошо, на автомате всё, опыт большой. Я в физио уже лет шесть, сразу после медучилища, как пришла, так никуда и не уходила.

Ясное дело, что у человека застойные явления при длительном постельном режиме, мышечная атрофия,

– Сейчас оживлять будем.

Откинулся на подушки,

– Оживляй! – уже на ты, как со старой знакомой, лежит довольнѐхонек, а я всё гадаю, какое умопомрачение нашло на меня сегодня? Ведь не тот мужик-то! Тот Кузнецов лет пятидесяти, может даже с хвостиком, а этому стрекозлу, которого только гипсом можно удержать на койке, едва ли больше двадцати восьми. Он, пока я электроды пристраивала, уже весь извертелся. И тот шатен был, хоть и лысый, а этот блондин. Симпатичный причѐм, я бы сказала, смазливый.

Но пальцы не те!

Не знаю, откуда во мне взялось это странное эстетство, но всегда обращаю внимание на мужские руки. Мне нравятся аристократические кисти, как у пианистов. И гляжу на ноги, даже на стопы. Бывают красивые с высоким подъѐмом, с не заваливающимися наружу или вовнутрь гладкими пятками и длинными ровными пальцами. Я всегда обращаю внимание летом на пар-

ней в сланцах, и мне нравятся такие пальцы с ухоженными ровными ногтями. Это сексуально. Может, для кого-то и нет, а для меня очень.

И вот пальцы у красавчика не идеальны! Они подогнуты, подобраны, словно в кулачок, и совершенно не привлекательны. Но, может, если встанет, распрямятся? Да и так ли уж это важно, если остальным Бог не обидел?

И он ведь это знает! Лежит и глазки строит.

Вот есть такая категория мужиков: непотопляемые! Под койкой судно, половина тела в гипсе, а он всё туда же,

– А, как тебя зовут? А меня Егор!

Будто бы я спрашиваю!

Мне пофиг, как тебя зовут, мумия! Я вот думаю, кого лечила утром, но нельзя же быть грубиянкой, тем более, на работе. Ещё нажалуется, что сначала процедуру делать не шла, а потом явилась и послала!

– Маша, – отвечаю, потом поправляюсь скорей, – Мария Сергеевна.

– Лучше Маша, – расплывается в улыбке. Тоже мне, улыбака!

Соблазняет напропалую, выставя напоказ все лучшие стороны: на щеках ямочки появились, глаза искрят, энергетика соблазна у парня в крови. Ох и котяра этот Егор Кузнецов! Улыбаюсь в ответ,

– Можно и Маша, – мне двадцать шесть на днях стукнуло, так что до Марии Сергеевны ещё порасту немного.

– А, можно, Маша, на свидание тебя пригласить? – оригинальненько, подыграть что ли?

– Где встретимся? – интересуюсь, – у памятника Пушкину или на углу у Патриарших? – он, наверное, сарказма не понял, хорошо, если Пушкина знает, а про Патриаршие, вообще, не поймёт, не Москва же, да и книжки такие герои не читают. Но даже не стушевался,

– Давай у Патриарших! Только поосторожней там, по трамвайным путям не ходи, не ровен час...

– Да типун тебе! – а он не дурачок этот Егор Кузнецов! Интересный парень, – договорились, приду! Завтра, часиков в десять вот с этой вот штуковиной! – снимаю контакты, таймер уже пискнул, пока мы тут забавлялись, а другие три мумии с интересом наблюдали представление, – смотри, не опаздывай! – грожу пальцем напоследок, – я опоздунов не люблю!

– Есть, спасительница! – смеётся и в шутку честь отдаёт левой рукой, так и зафиксированной кверху!

– Наш пострел везде поспел! – уже спиной слышу завистливое с соседней койки. Остальных пациентов разглядеть не успела, всё внимание забрал Кузнецов.

Выхожу, начинаю дышать полной грудью. Как ни говори, а мужская палата с лежащими особями, ещё то испытание! Хоть и окно приоткрыто, несмотря на ноябрьский холод, всё равно, когда четыре практически обездвиженных мужика на шестнадцати квадратах вынуждены дневать и ночевать, не имея возможности толком помыться, запах специфический. Но Егорка-шутник мне приглянулся.

Однако, надо проводить следствие, куда же меня черти-то носили?

По итогу того первого Кузнецова срисовала на четвёртом, в терапии. Нумерация палат везде одинаковая с разницей в первой цифре, а так всё по стандарту. Вот и залетела в лифте не на тот этаж.

– А у того-то мужика узнала диагноз? – спрашивает Ленка.

– Ага! Пневмония у него! – смеюсь, а Ленка тонет в бокале с чаем.

– Интересно, что он подумал, когда ты к нему на дом явилась, ногу лечить? – это Лариска, ещё одна из наших.

– Да он не хотел даваться-то! – ржу не могу, как вспомнила его изумление, – испугался, глаза округлил! Но я ж с назначением, а там чёрным по белому: Кузнецов! Он и смирился, бедолага!

– Прямо кино! – Юлия Николаевна у нас тоже шутница, – когда второй раз в палату зашла, не спрятался?

– Не-а, спал. Я подошла в лицо глянула, он самый, утренний! – Лариска заливается,

– Вот бы глаза открыл, а над ним Машка! Снова пытать явилась!

Вот так и началось знакомство с моей сумасшедшей любовью по имени Егор Кузнецов...

Глава 2.

Назавтра готовлюсь как к настоящей свиданке. Халатик мини, ножки у меня стройные, чего прятать красоту. Тем более, в остальном ничего выдающегося, обычная фигура, ни разу не модель, и даже кое-где в потаённых местах некоторые излишества имеются. Надо бы подкачаться, но если честно, я на это дело ленива, лучше книжку почитать. И средств по фитнесам ходить нет, да и времени, чего уж там.

Я девушка самостоятельная. С родителей денег не беру с тех пор, как работать пошла. Они – люди простые и уже пенсионеры. Тем более, по сути, я им не дочь. Вернее, дочь, конечно, но где-то лет с четырёх, как из детдома забрали. Дальняя родня, троюродная тётка с мужем, а ближе нет никого. Не жалуясь, они у меня классные! Добрые, заботливые. Помогают, но всё-таки, совесть надо иметь, вырастили, как свою, других-то нет. Я, наоборот, сама бы им помогать хотела, да пока столько не зарабатываю. Хотя подработкам рада! Массаж, уколы, капельницы – всё могу, ни от чего не отказываюсь.

Ну, в общем, отправляюсь к Кузнецову на свидание в травму. Девчата смеются,

– Ишь, расфуфырилась, стрелки подвела!

– Пуговку ещё одну расстегни, Марусь, а то не совсем секси! – вот козы!

Однако в лифте, всё же расстегнула. Ничего криминального, всего лишь вторую. А ещё, кроме стрелок и бровки подкрасила, и реснички махнула тушью пару раз. Мне сильно-то сурьмиться не идёт, я – блондинка. Или, как мама скажет,

– Беляночка, – так и есть, что кожа, что волосы, что брови с ресницами – всё одним цветом. Хорошо хоть глаза серые, а не красные. Всё-таки не альбинос. Мне уже неоднократно говорили, что если поднатреть в мастерстве макияжа, то могу красоткой быть. Всё неплохо с моим лицом, но, чтобы разглядеть белое на белом, надо иметь хорошее зрение, а главное, большое желание. Сегодня Кузнецов точно меня разглядит.

Захожу в палату, а точнее, врываюсь, нынче у меня настрой совсем иной, и сразу глазами в угол. А там!

– Опаздываете, барышня! – цветёт улыбкой товарищ Кузнецов, и рядом на тумбе огромный букет роз!

Смотрю на часы,

– Всего-то на пятнадцать минут, как любая уважающая себя девушка! – но мы же с ним немного тролли, – спасибо, что дождался! – мужики хохочут.

Я подхожу к койке, Кузнецов сгребает здоровой рукой цветы с тумбы,

– Это тебе, красавица! – что и говорить, приятно получать подарки и комплименты слушать тоже.

– Благодарю! – принимаю розы, нюхаю, честно говоря, не пахнут, но смущение скрыть помогают хорошо. Егорка доволен, лежит себе барин, вот мол, какой я молодец. А я так и говорю,

– Что ж, добрый молодец, давай полечимся, – букет возвращаю на тумбу и принимаюсь за процедуру. Он с меня глаз не сводит, да к тому же, спинным мозгом чую, как ещё три пары внимательных изучают с ног до головы.

– Ты сегодня другая! – констатирует Кузя. Я так его потом и буду звать. Ему подходит. И тушеваться не собираюсь,

– Конечно, другая! Я ж на свидание пришла! А вчера на работу, – все контакты присоединила, присаживаюсь рядом на стул, – ну, какая у нас программа на сегодня? – интересно, какая может быть программа с парнем, у которого нога привязана к стойке навытяжку, и рука так зафиксирована, словно он берёт под козырёк?

– Знакомиться будем! – предлагает, не задумываясь ни минуты.

– Отлично! Давай знакомиться, Егор Кузнецов! – всем опять смешно, и Кузя хохочет громче остальных, играя своими ямочками – соблазнылочками,

– Андреевич!

– Очень приятно, Андреевич! – легко с ним! И даже компания из ещё троих мужиков, участвующих в нашем свидании, не мешает.

За те десять минут, что лечу его ногу, Кузя успевает доложить, что свалился с мотоцикла. Так-то он опытный байкер, но какой-то тупой мудила – это с его слов, боднул его в бок своей иномаркой на повороте, и пришлось уйти в крутое пике, по итогу которого, всё, что имеется в организме слева, переломано: рука, нога, рёбра. Но зато есть он может сам,

– Потому что правая рука не пострадала? – интересуюсь очевидным, но Кузя мастер сюрпризов,

– Потому что зубы целы! – снова демонстрирует лучезарную улыбку. Зубы у него и, правда, что надо: ровные, белые и все на месте.

– Ну, мне пора, – десять минут вышли, аппарат напомнил, что свидание закончено, Кузя огорчён,

– Как? Уже? Разве это свидание, когда всего десять минут? – впервые не улыбается.

– Ну, так завтра продолжим, – утешаю, но, честно говоря, не будь так много любопытных глаз вокруг, я бы задержалась подольше. Собираю прибор, нагибаюсь за букетом, а пациент успевает меня прихватить за талию здоровой рукой,

– Так и уйдёшь? – что с ним поделать, целую в щёку. Прямо в ямочку, он счастлив.

– До завтра! – Кузе сказала и остальным болящим.

Иду по коридору травмы, в одной руке чемоданчик, в другой розы. Хотела сделать серьёзную мину, но улыбка прилипла так, что не оторвать. Девчонки постовые на меня таращатся,

– Ах, вот для кого этот лovelас букет заказал! – завидуйте, девочки! А мне приятно...

***

Наши специфические свиданья с Кузнецовым продолжают все двенадцать сеансов физиотерапии. За это время ему успевают сделать новую репозицию, что-то с его переломом пошло не так, пришлось заново ломать, и он, вместо того чтобы выписаться на амбулаторное долечивание, уходит на второй круг.

Мне его искренне жаль. Особенно, когда бледно-зелёного привезли из операционной. Тут уж не до улыбок, но Кузя даже в таком плачевном состоянии умудряется радоваться моему визиту. Ясное дело, что теперь я хожу к нему вовсе не из-за назначений. А потому что мы встречаемся.

Смешно? Есть немного. Встречаться с парнем в палате травматологии – такое возможно только у медиков. Но иначе, где бы мы познакомились? Байками я не увлекаюсь даже в качестве зрителя. Он механик в автосервисе, причём, довольно толковый и популярный. Уже весь телефон клиенты оборвали, ждут, когда выйдет на работу. Но там мы бы тоже никогда не встретились, у меня же нет машины, чтобы привезти ему в починку. В трамваях Кузя не ездит, помимо байка у него ещё и машина имеется, а для меня трамвай – любимый транспорт, потому что не популярный, а значит, всегда свободный, пусть и медленный. Я не любитель скоростей, а Егор, наоборот, любит, чтобы ветер свистел в ушах.

Так что, всерьёз считаю, что это судьба – проказница толкнула Кузю с мотоцикла, чтобы привести ко мне.

За то время, пока я к нему хожу в палату, уже весь персонал уяснил, что у нас роман. Кузя познакомил меня с друзьями, которые регулярно навещают и приносят по его просьбе для меня разные приятные сюрпризы. То шоколадку, то рафаэлки, от которых просто тащусь, то Тэдди. Почему-то все парни уверены, что девушкам нравятся эти мишки. Ну правы, конечно, мне тоже понравился. Теперь спит со мной дома.

А я засиживаюсь у своего новоявленного парня допоздна, в свою очередь балую его вкусняшками и книжками, хожу с ним регулярно в кино. Виртуально, конечно: смотрим фильмы в планшете. Ему друзья принесли, а то одичал бы совсем, месяц на койке валяться. Мы держимся за руки, как полагается паре, целуемся в щёчку, иногда, когда мужики делают вид, что заняты своими делами или спят, крадём друг у друга поцелуи с губ и тихо смеёмся. В общем, у нас конфетно-букетный.

А страсти накаляются, жизнерадостный от природы Кузя уже шипит с досады, что зажат гипсовыми оковами в жёсткие рамки,

– Как в тюрьме! – я лишь коварно улыбаюсь, предвкушая, тем не менее, что расплата не за горами!

И мы оба уже очень-очень ждём, когда нас выпишут!..

Глава 3.

Наконец, настает долгожданный день X! Кузя чинно прощается с соседями по палате, которые уже успели смениться, пока он неудачно сращивал свою поломанную ногу, да и сейчас-то домой отправляется в распорках аппарата Илизарова и с костылями.

Оставляет на посту медсёстрам большой торт, явно, сделанный на заказ. Потому что, таких не продают. Дизайн, что и говорить, забористый: по центру розовое сердце из сбитых сливок с вишнёвым вкусом в форме пышной голой попы, и воткнутым в неё шприцом из белого шоколада, а снизу тёмно-шоколадная надпись: «Не забуду вас, девчата!»

Девчата эту ж... в подарок, точно не забудут!

Докторам, как и полагается: дорогое спиртное, а может быть, и кое-что поинтересней.

Я, ради такого случая, отпрашиваюсь пораньше с работы, потому что Егор не хочет и слышать, что загляну как-нибудь в гости,

– Фигня! Со мной будешь жить! – вот его вердикт. Мне, конечно, лестно, но девушка я осмотрительная и не бездомная,

– У меня своя квартира имеется, – пускай не хоромы, всего лишь однушка, оставшаяся от непутёвой мамы, которую я напрочь не помню. Она где-то сгинула в погоне за сомнительным счастьем, а жильё было под опекой до совершеннолетия. Моя мудрая дальновидная мама вместо того, чтобы сделать удочерение, оформила опекунство,

– Пускай государство наше заботливое тоже немного расстарается, да и с родительницы твоей, как с паршивой овцы, хоть шерсти клок. А мы тебя, доченька, всё равно любить будем, как родную, не в бумажках дело.

И вот в восемнадцать, получив ключи, я решила начать самостоятельную жизнь. Родители за головы схватились. Поехали вместе смотреть моё наследство, а там – помойка, поэтому все успокоились: и я, и они. Год ушёл на ремонт, потом на обустройство личного гнезда, так что вместе с дипломом получила полную путёвку в жизнь: и работу, и новый дом.

И свила своё гнёздышко с большой любовью, сообразно личных вкусов и предпочтений, поэтому радостно кидаться собирать чемоданы не тороплюсь, но у Кузи железный аргумент,

– А, как же я один-то справляться буду? Мне ещё месяц на костылях скакать!

– Так я же не сказала, что совсем не приду, – чего он там надумал? – да и друзья у тебя классные не бросят.

Кузя не сирота, но из глубокой провинции, поэтому родители далеко, вообще за Уралом, и своими приключениями он их не пугает,

– Там и так есть за кого инфаркты наживать: нас пятеро, все – пацаны, я – второй по счёту, – ничего себе, семейка мужиков! Бедная мать!

Андрюха – самый близкий друг забирает Кузю из больницы и меня за компанию. Ладно, думаю, поеду с ними. Посмотрю, где обитает мой горе – байкер. В магазин сбегаю за продуктами, сготовлю поесть, да пыль хоть смахну с мебели, а то полтора месяца квартира пустовала.

Егор живёт в съёмной двушке на окраине города. От моей это совсем другой конец, так что много не накатаешься, но переезд пугает.

Как ни странно, в квартире порядок и даже чистые полы. Убирался что ли кто?

Секрет открылся очень просто: Андрюха водил сюда своих разовых подруг, потому что дома жена и маленький ребёнок, и напоследок перед выпиской Егора навёл относительный порядок. Мне никто такого напрямую не рассказывает, но пока занимаюсь стряпнёй на кухне, мужики в комнате это обсуждают в открытую, не убавляя громкость.

Противно, коробит и сразу хочется сбежать. Решаю нажарить картошки, поскольку уже начистила, и тихо свалить. Андрей уходит раньше, сказавшись семейным человеком, отпущен-

ным женой только с гуманитарной целью, доставить больного друга к родным пенатам. И что дома его ждут борщ и котлеты.

– Так какого же чёрта? – хочется крикнуть прямо в прихожую, пока не ушёл, но я мудро молчу, глотая информацию, которая вонзается асиновым колом в сердце. И в памяти всплывает старая как мир истина: «скажи мне кто твой друг...»

Настроение дёргается тоненькой нервной стрелкой где-то между нулём и единичкой, но в это время на кухню, стуча копытами, а точнее, костылями, вползает Кузя,

– Машкин, устала? – ласково щекочет шею, нежно прихватывает ушко тёплыми губами, а я шевелю картошку на сковороде и уговариваю себя, что Кузя не такой! Он меня точно любит...

В тот день до интима не добрались. Непривычная обстановка, новые обстоятельства, откровения друга словно обдали инеем наши чувства. Вернее, мои, за Егора не отвечу, но неловкость появилась и у него,

– Ты чего, Машкин? – называет уже привычно, заглядывает в глаза, усадив поближе к себе. – Это же я – твой Кузя!

– Ничего, – отвечаю, глядя куда-то в косяк. А что мне сказать? Твой друг водил сюда баб, а теперь ты привёл! И не я первая, не я последняя? Да, так и надо было говорить сразу! Невысказанные обиды рожают подозрения и, как выяснится потом, не беспочвенные.

Значительно позже, анализируя по круплицам, всё, что между нами было, я понимаю, что меня тогда зацепило!

Реакция Егора на Андрюхины тайные свидания в его квартире! Он не удивился! Принял в порядке вещей! Вот, где надо было насторожиться! Но я не поняла, не разобралась тогда ни в нём, ни в себе...

***

А потом наступил Новый год! Ёлка, подарки, весёлая компания, собравшаяся у нас. Да, именно у нас, потому что я, всё-таки, перебралась к Егору. Не полностью, но со всем необходимым, а квартиру сдала. Пока на год, а там посмотрим. Было очень жалко запускать в неё, такую ухоженную чужих людей, но Егорка убедил, в двушке свободней.

А ещё все припёрлись к нам, потому что с Кузиной несчастной ноги только-только перед праздником сняли аппарат, и он пока сильно опасается шляться по гололёду, оберегая обломки, с таким трудом собранные нашими ортопедами.

Гости частично мне уже знакомы, но не все. Моих здесь нет. Родителей я поздравила накануне и обещала приехать на Рождество, а друзья тоже только с Егоровой стороны. И вот некоторые мне не очень нравятся. Особенно те, что явились в мини юбках, несмотря на мороз и притащили с собой каблуки, вместо своих парней. И почему Кузя называет их друзьями, а не подругами?

Потому что слово «подруга» из уст молодого, неженатого мужика звучит как-то двусмысленно, а «друг» вроде бы нормально. Но тогда, почему этот друг с томной поволокой во взоре, вместо того чтобы в прихожей протянуть пятерню для рукопожатия, да похлопать от души по плечу, лезет здороваться прямо в губы?

– Егор, – отгаскиваю его в ванную, – как это понимать? – пока я там вожусь с сервировкой и тазами салатов, кто-то в горячем дружеском привете перемазал его рот алой помадой! И я ставлю его лицом к зеркалу. Он только смеётся,

– Наташка – зараза! Это её боевой раскрас, у Людки перламутр!

– На тебе ещё и Людка потопталась? А может, и не только? – праздничного настроения, как не бывало, но Кузе всё нипочём,

– Машкин, ну не делай из мухи слона! Это ж свои девчата, байкерские! Чего ревновать-то?..

Глава 4.

Байкерские девчата, надо отдать должное, откровенно больше к Кузе не лезут, и я поне-многу успокаиваюсь. В конце концов, моим вниманием полностью завладевает фарширо-ванная индейка, которую готовлю впервые. Мечусь между сомнением: не закоптить бы до углей и, в то же время, не накормить бы всех полусырым мясом.

Людка с объедками перламутра на губах даже принимается помогать. Мы вместе с ней тычем в тушку деревянными шпажками, проверяя, не брызнет ли кровь, вместо сока, когда она мне советует,

– Не напрягайся, подруга, Кузнецов – парень хороший, добрый и не жмот, а остальное – фигня!

Очень хочется узнать, что за фигня там ещё осталась после перечисления всех положи-тельных качеств, но тут прискакивает сам герой, радостно не веря, что может это делать без подмоги костылей, и гонит скорей пить шампанское под бой курантов, а индейку я закидываю обратно в духовку, чтобы не остыла.

Торопливо загадываю своё новогоднее желание: «любовь, похожую на сон», имея в виду исключительно Кузю...

***

Он мне нравится, всё в этом парне ладно и складно, в постели тоже неплох. Думаю, наши дети будут красивыми, как папаша, когда они у нас появятся. А, что дело идёт к свадьбе, как бы подразумевается само собой. Кузя сей факт не отрицает и, что замуж ещё не позвал, так это только пока, какие наши годы!

С родителями его познакомила. Понравился. Ещё бы нет, он же обаяшка! С его предками по понятным причинам пока не знакома,

– Летом вырвемся на пару недель, – обещает любимый, – а сейчас самый чёс, поэтому надо чесаться, – имеет в виду, что пока идёт клиент, надо работать.

Видно, Кузя и вправду хорош в своём деле, клиент прёт, как осётр на нерест, заставляя моего почти мужа задерживаться в автомастерской всё дольше и дольше. И сколько бы я ни уверяла его, что всех денег не возьмёшь, Кузя упорствует в обратном.

Как только сходит снег, к его бесконечной работе прибавляются байкерские забавы. Я, честно говоря, была уверена, что Егор на свою Хонду больше не сядет, но ошиблась.

Все выходные проходят теперь в специфическом кругу brutальных пацанов, на не менее brutальных байках. Они там понтуются друг перед дружкой амуницией и всякими прибамба-сами, и как я поняла, дамы, которые усаживаются за их спинами, тоже непременный атрибут этих тусовок.

Егорка каждый раз перед выкаткой критично оглядывает мой образ, настаивая на ярком макияже и непременной коже в одежде. Мне не идёт вся эта мишура и, вообще, не хочу гонять на мотоцикле. Боюсь откровенно, причём даже сзади, зажмурив глаза и уткнувшись носом в холодные клёпки на спине Кузиной косухи. Меня тошнит от запаха солярки, и главное, я знаю лучший способ убивать время – книги. Тут хоть с пользой. Но не спорить же из-за такой ерунды? В остальном в нашей почти семье мир и лад.

На буднях прихожу с работы, купив продукты, готовлю ужин, делаю домашние дела и жду ненаглядного. Он возвращается затемно, хотя в апреле надо сильно постараться, чтобы так заработать. Моется, ужинает, мы обмениваемся новостями и идём в постель. Несмотря на усталость, сил и желания у моего трудоголика хватает на всё.

Одним словом, не жалею. Но, как дело к выходным, неприятно сосёт в душе: опять эти треклятые покатушки!

Как-то занемоглось, обычные женские проблемы по календарю, и Кузя отправился кататься сам. Слава Богу, хоть спокойно отдохну. Но так скрутило живот что, когда вернулся за полночь, даже спрашивать ни о чём не стала, не до мелочей.

Однако, в следующий выходной мой байкер уже и не зовёт, собирается, как всегда, а на моё,

– Подожди, я-то не готова ещё! – отвечает,

– Зая, лучше к родителям съезди, давно ведь не виделись, хоть проведай! – и то, правда, скоро дача начнётся, а на неё я вообще не знаю, когда соберусь.

– Может, тогда подкинешь? – какая ему разница, куда гнаться? – или обратно заберёшь? – у Кузи идея получше,

– А ты ночуй, Машкин, завтра воскресенье, чего дёргаться туда-сюда? – на том и порешили...

Родители очень рады, что приехала, а что Егорку не взяла с собой, расстроились. Пришлось сказать, что ударно трудится.

– Когда, свадьба-то, Марусь? – папуля прямолинеен, – мы уж с матерью внуков заждались. Что ответить? Что замуж пока никто не позвал? Так неудобно как-то. Выхожу из положения,

– Летом съездим к Егору на родину, познакомит с семьёй, там, думаю, и о свадьбе заговорит.

– Ну, хорошо, хорошо, – оправдывается папа, – мы же всё понимаем.

– Вот и не спрашивай понапрасну, – одёргивает мама, – что тебе Маша сказать может, коли слово за парнем, а не за ней.

И по той самой причине родители отправляют меня ночевать домой,

– Нехорошо это, Машунь, что ты ночевать не придёшь, мало ли что Егор подумает! – мама, как всегда, перестраховывается. Но в чём-то права. Ещё оправдывается напоследок, провозжая до автобуса, – мы бы рады оставить с ночёвкой, доченька, но сама понимаешь, женское дело такое, сначала замуж выйди.

Где-то на доньшке души берёт досада, но, с другой стороны, я сама с большим удовольствием усну под боком мужа, ну почти мужа, чем на диване в родительской гостиной.

Последний автобус привозит меня домой около одиннадцати вечера, конец апреля выдался тёплым, иду с остановки через парк, всё благоухает, душа радуется в предчувствии лета, мурлычу под нос прилипшую к языку песенку из ретро.

Егоркин мотоцикл около дома, странновато. Обычно он его оставляет на работе в сервисе, опасаясь угона. Он вообще, им так дорожит, будто ничего ценнее в его жизни и быть не может. После аварии устранил все повреждения и теперь вылизывает чуть ли не языком, говорит, что это сбывшаяся мечта его нищего детства. Ну, понятно, когда у тебя ещё четыре брата. Новых ботинок-то не дождёшься, да ещё и носить надо аккуратно, если после тебя троим донашивать, какие уж тут мечты.

А тут байк у подъезда сиротствует! Не случилось ли чего? Вдруг опять свалился? Хотя, машина вроде цела. Но душа не на месте, бегу на пятый через две ступеньки, по дороге ключ из сумки выуживаю, скорей отпираю. Уже хочу крикнуть,

– Кузя! Я дома! – но не успеваю, потому что из недр нашей спальни доносятся такие страстные, такие недвусмысленные женские стоны, что ноги подкашиваются, тихо съезжаю на пол. Затыкаю уши, чтобы не слышать того вероломного бесстыдства, что творится сейчас в семейной постели. Но надо было ещё и глаза закрыть! Поздно, обнаруживаю перед носом высокие чёрные женские ботинки на толстом протекторе и косуху, брошенную прямо на обувице, Наташкину! Видно, совсем невтерпёж ребятам.

И, что теперь делать?..

Глава 5.

Мне совсем не хочется заходить в спальню, нет ни малейшего желания заставить изменника с поличным, видеть изумлённые лица, голые тела в недвусмысленных позах. Самое большое желание: исчезнуть, просто взять и испариться. Причём так, чтобы больше здесь не оказаться ни разу. Но я уже порядком обросла вещами в Кузиной квартире и бросать их жалко, не миллионерша.

Поэтому вопреки нормальной логике, принимаюсь паковать имущество. Причём, стараюсь не шуметь, чтобы не отвлекать друзей от важного, так необходимого им занятия. Ведь, они же друзья? Кузя ещё в Новый год сказал! Только мне этой дружбы не понять.

В спальне моего барахла предостаточно, но полку в комоду опустошить я ещё успею, а пока достаю с антресоли в коридоре большой баул и тихо стаскиваю в него свои пожитки. Спроси меня потом, как хватило терпения и нервов, собираться при данных обстоятельствах, объяснить не смогу, видно, была в шоке. Хотя веду себя крайне собранно, ничего не забывая, планомерно и аккуратно пакую всё, чтобы больше не возвращаться. За этим серьёзным делом меня и застаёт благоверный,

– Машки-ин! – тянет изумлённо, выпав из спальни в чём мать родила. Видимо, Кузю родили в презервативе. Кого в рубашке, а его кое в чём другом. Почему эти бредовые рассуждения так вовремя посещают глупую голову, тоже загадка. А ошалевший развратник, метнувшись было в мою сторону, осознаёт-таки, некоторую неловкость своего положения и кидается обратно в недра разврата, чтобы натянуть труселя.

Его более стрессоустойчивая подруга, обернувшись простынкой, предстаёт передо мной ну просто-таки жрицей любви! Взгляд победительницы!

– А ты же к родителям с ночёвкой уехала? – вот как это у неё получается? Даже не краснеет, ещё и претензию выдала.

– Зая! – Кузя в трусах задом наперёд кидается спасать ситуацию, – ты куда?

А действительно, куда податься? Квартира сдана, к родителям стыдно, а будить среди ночи вообще, неловко,

– На Луну! – дерзить получается хорошо, даже голос не дрожит. Наглая жрица ещё и смеётся, Кузя пытается хвататься за шмотки, которые я с мрачным упорством пихаю в сумку. Теперь и в спальню можно, не побеспокою. Иду к комоду, Наташка в ванную, коварный изменник за мной,

– Маш! Зай! Ты всё не так поняла! – круто!

– Ну, так расскажи мне, непонятливой, как надо понимать? Может, я проникнусь вашими высокими отношениями и разрешу твоему другу спать с нами третьей у стеночки? Тебя посередине положим. А, как иначе? У вас же дружба не разлей вода! – смотрю на него, жду его версию событий. Чего он там собирался объяснять?

Но видно, понимает, что облажался по полной и, лишь потупив взгляд, выдавливает,

– Прости! – безвольно плюхнувшись задом на кровать. Я уже почти закончила сборы, если какой-то мелочи не досчитаюсь, не беда. Сбрасываю остатки вещей в сумку и волокусь в коридор. Егорка хватается за ручки баула. Он и так тяжёлый, а этот придурок ещё мешает,

– Пошёл вон, идиот! – рывкаю и дёргаю на себя. Кожзам скрипит, но всё-таки, выдерживает нагрузку, а Кузя, шмыгая носом и вцепившись в собственную чёлку, подпирает притолоку в коридоре, пока обуваюсь.

Лицезреть эту драматическую картину мне мешает жрица, перекрывая обзор, открывшейся дверью ванной. Пока Кузя преодолевает неожиданное препятствие, успеваю выйти на площадку, напоследок кинув в него ключами,

– Адъёс, амигос! – прощаюсь с уродами, но один из них бежит следом, почти до нижнего этажа,

– Машкин, ну не твори глупостей! – надо же, какая забота!

Останавливаюсь на нижнем пролёте, чтобы в последний раз глянуть на мужчину своей мечты, и принимаюсь дико ржать,

– Труссы переодень, придурок! – он что-то хочет сказать, но это неожиданное замечание вгоняет его в ступор, и я красиво ухожу в ночь...

Она проходит в том самом парке, через который я совсем недавно так резво гарцевала навстречу счастью. Вот и догарцевалась!

Сажу на скамье, курю, сумка рядом. Вообще-то бросать собиралась, Кузе не нравилась моя дурная привычка,

– Не женское это дело! – говаривал осуждающе, – поедем к моим, не вздумай, они люди старой закалки, не поймут!

А теперь мне плевать, могу хоть всю пачку сразу запихать в рот и обкурюсь до чёртиков, плевать я хотела! Мои, кстати, тоже не знают, я хорошо маскировалась, пока с родителями жила, а когда по отдельности, то и отчёт держать не перед кем.

Хорошо, что светает теперь рано, а то я уж задрыгла порядком. Пришлось зимнюю куртку доставать из сумки. Вот как удобно: всё своё ношу с собой! – лозунг бомжа!

Улицы начинают оживать постепенно, в парк потянулись собачники со своими ненаглядными питомцами, надо сматываться, а то подумают невесть что.

Кое-как допинав груз до остановки, забираюсь в первый утренний трамвай. Он совсем пустой, без единого пассажира. Вагоновожатая, крупная тётка за пятьдесят в оранжевом жилете, терпеливо ждёт, пока я втащу неподъёмную ношу, а потом, сочувственно вздохнув, будто знает всю историю из первых рук, даёт звонок и везёт к родителям. Больше податься некуда.

Моя квартира по договору найма освободится только к концу года. Можно, конечно, выгнать жильцов, сославшись на свой форс-мажор, но не раньше, чем через месяц, заранее поставив в известность, выплатить нехилую неустойку и вернуть арендную плату за полгода, взятую вперёд. Пока Кузя сидел дома со своей костяной ногой, эти деньги очень пригодились, и теперь их у меня нет...

Дома полное недоумение, но по унылому, измученному виду родители понимают, что с вопросами лучше повременить. Мама расстилает постель на диване, хоть и утро, папа идёт ставить чайник. А я в душ.

Наконец-то позволяю себе выреветься вместе с водой, льющейся сверху, разверзаются и мои грозные тучи вперемешку с рыданиями. Надеюсь, душевая кабина гасит подвывания, не хотелось бы пугать родителей, но если и не гасит, сдерживать сил не осталось.

Как легко можно убить чувства! Играючи, не задумываясь, взять и сломать, словно, игрушку, которая стала не интересна! За что? Зачем я вообще была ему нужна? В качестве сиделки, няньки, поварихи? Пока он скакал на одной ножке!

Где были мои мозги? Чем я думала, когда нашла прокладки в нижнем шкафчике в ванной? Убедила себя, что это Андрюхина любовница забыла? А ещё она забыла розовые сланцы на дне обувницы! Каких знаков мне не доставало, чтобы понять, что Кузя не нуждается в длительных серьёзных отношениях? Я просто одна из многих в очереди его подруг. Вот об этом и толковала Людка, когда мы занимались новогодней индейкой. Не удивлюсь, если она тоже из его длинного послужного списка.

Эта ночь настолько перевернула мой мир, что после душа накатывает гулкое опустошение, и я спокойной, ровной походкой иду на диван, падаю на подушку и засыпаю мертвецким сном.

Чтобы проснувшись уже под вечер, сказать себе самой,

– Я поменяю эту жизнь! Завтра же!..

Глава 6.

А завтра понедельник. Это здорово! Терпеть не могу понедельники, но этому рада, как радовалась бы отпуску или отгулу в обычные времена. Родителям сказала, что поживу немного у них. С Егоркой, который им так глянулся, всё кончено бесповоротно. Подробностей не спрашивают. Они у меня люди чуткие, знают, что сама расскажу, когда душевная боль отпустит.

На работе вообще, делаю вид, что жизнь прекрасна, и ничего не случилось, но, видно, актёрского мастерства Бог не дал, да и коллеги тактом родителей не обременены,

– А ну, колись, что там у вас стряслось? – требует Ленка, зажав меня в углу.

– Разбежались, – констатирует Лариска, изображая ясновидящую. И попадает в точку.

Чего скрывать, подтверждаю,

– Да, девочки! Разбежались! Прошла любовь, завяли помидоры в саду!

– Изменил, сука! – Лариска точно, ясновидящая! И чего тут медсестрой сидит на копейках? Пора бы взяться за ум и переквалифицироваться в какую-нибудь Ларису Премудрую. Ей бы пошло.

– Угу, – шмыгаю. И глаза уже на мокром месте. Была уверена, что вчера в душе выревела всё, а накатило с новой силой. Хорошо хоть не накрутилась с утра, а то превратилась бы в унылую панду.

– Дурёха! – утешает Юлия Николаевна, – радуйся, что замуж не успела за этого козла выскочить.

– А он и не зва-ал, – вою. И теперь понимаю, что вряд ли позвал бы.

– И времени немного потеряла, всего-то полгода, а могла завязнуть годов до тридцати и деток нарожать!

– А ты случайно не того? – осеняет Ленку, – тест сдать не хочешь?

– Мы предохраня-ялись, – вывожу рулады, – у меня ВМС! Пришлось из-за этого козла поставить!

– Это хорошо! Просто прекрасно! – констатирует Юлия Николаевна, – обошлась малой кровью. Давай вытирай сопли и начинай новый жизненный виток!

– Какой ещё вито-ок? – ничего не понимаю, – что начина-ать?

– С парнями начинай встречаться, да не ведись на смазливые-то рожи! Не хватайся за кого попало! Поумней будь. Ты – девица видная, независимая, с жильём.

– Без жилья-я!

– А квартира?

– Так я ж сдала до конца года! – слёзы просыхают, когда о деле заговорили.

– Ну, не пожизненно. Пока с родителями перекантуешься. Они к маю на дачу свалят, четыре месяца у тебя в кармане, а там, глядишь, сентябрь. А это, как ни крути, уже девятый месяц. Если выдастся тёплым, и его на даче проведут. Там недолго, и квартиранты съедут, – Юлия Николаевна всё по полочкам разложила. У неё-то легко получается, а у меня не очень,

– Мне сейчас тошно! Здесь и сейчас! Ни есть, ни пить не могу! Если бы было сбежать куда подальше, сбежала бы! – говорю в сердцах, – хоть в Сибирь, в ссылку! Испариться хочу! Поехать что ли на село? Там, говорят, медикам ссуду на жильё дают, если контракт подписать.

– Ну, да! Как раз к тридцатнику и освободишься! Глядишь, пастуха какого-нибудь найдёшь там, и заживёте счастливо, – это Премудрая Лариска пытается меня в оглобли ввести методом «от противного».

– А я знаю, в какую ссылку её отправить! – заявляет Ленка, упоминая меня в третьем лице, словно, неодушевлённый предмет, или тварь бессловесную типа собаки или кошки, – и ненадолго: с мая по октябрь, и не в Сибирь! Средиземноморское побережье сгодиться? – спрашивает меня, – а? Ссылнокаторжная наша!

- Лен, ты чего городишь? Какое побережье? – это старшая.
- Средиземноморское, – повторяет, – сама бы рванула в такую ссылку, так Дениска не отпустит, ревнивый, как чёрт. Да и свадьба в августе.
- А вот с этого места поподробней, – приказывает Юлия Николаевна. И Ленка выкладывает, как на духу,
- Помните Ирину Львовну? – в ответ общее недоумение, – ну, банкиршу!
- Какую ещё банкиршу?
- У тебя в знакомых живые банкиры водятся?
- Да нет! – Ленка сердится на нашу непроходимую тупость, – ну тётка с ишиасом! Привезли тогда в неврологию буквой Г. А я ходила к ней в платную палату динамик делать. Потом она уже выписалась и вместо того, чтобы на процедуры куда-нибудь в медцентр или поликлинику ездить, я моталась к ней на работу в банк с аппаратом? Ну, она вся такая занятая типа, не до мелочей!
- А-а! Помню! – отмирает Юлия, – ещё прибор давать не хотели, но она какой-то крутой презент сделала больнице!
- Она могла себе этот прибор купить, но ей нужен был специалист обязательно, очень мнительная дама.
- Так она хозяйка банка? – не понимает Лариска.
- Да это мы её прозвали банкиршей. Тогда была начальницей какого-то отдела, а теперь финансовый директор, так что не последний человек.
- И, что банкирша? – возвращает старшая разговор к началу, – при чём тут Средиземье?
- Она мне предложение сделала, от которого невозможно отказаться, а пришлось, – вздыхает Ленка.
- Ну не томи, рассказывай!
- В общем, она сняла виллу у моря с мая по октябрь для сыночка своего, здоровье ребёнку поправить, а сама поехать не может. Вот нужен специалист для сопровождения, медик. Потому что мальчишка больной.
- Инвалид совсем? Колясочник? – Лариска сразу выясняет фронт работы, – подгузники менять, уколы, уход?
- Сиделкой в общем, – подытоживает старшая, – наверное, достойную оплату предложила?
- Достойную, – соглашается Ленка, – а если результат понравится, то ещё и премия по итогу размером с зарплату.
- А какой результат-то? На ноги поставить безногого? – Ларка у нас, всё-таки, матерый скептик, – Тоже мне, замануха!
- Да я толком ничего не выяснила. Когда она позвонила, Дениска рядом ошивался, рожи мне строил, так что сразу сказала, что не могу. А потом пожалела! Мы с Деней ипотеку собираемся после свадьбы брать, я хотела у них в банке на особых условиях, – Ленка раздражена своей оплошностью, – а теперь какие особые могут быть!
- В общем поезд ушёл, – вздыхает старшая, – так о чём мы тогда битый час беседуем?
- Может не ушёл ещё! – У Ленки в глазах надежда, – я ей позвонить могу и Машку предложить! Мол так и так, сама никак, а вот специалиста Вам для дитятка подыскала отличного! А там услуга за услугу!
- А то она такого специалиста без тебя не найдёт? – Лариска дело говорит, конечно, какой из меня уникальный специалист? Но я сейчас готова на что угодно, лишь бы сменить обстановку, а главное, уничтожить всё, что напоминает о Кузе,
- Звони!

Глава 7.

– Правда? Ты точно, согласна? – искра надежды освещает лицо коллеги.

– Лен, а парнишке сколько годков? – уточняет Юлия, – если подросток, то намучаешься, Мань. Они в переходном возрасте такие противные становятся. По своему Даньке помню. Так не инвалид, а нормальный здоровый ребёнок!

– Не важно! – мне сейчас и вправду без разницы, сколько лет банкирскому отпрыску, и до какой степени мамаша набаловала своё неполноценное чадо. Как представила Кузю с Наташкой, и что могу столкнуться в любой момент нос к носу с ними или с кем-то из той компании, вопрос с повестки дня снялся, – решено, если не поздно, то согласна! И денег заодно подзаработаю!

Ленка набирает в мобильном номере банкирши, а сама не сводит с меня контролирующего взгляда, даже не моргает, будто опасается, что если сморгнёт, откажусь или сбегу!

– Ирина Львовна, добрый день! – разливается сладким елеем в полной тиши нашего кабинета, а мы даже не дышим, – Ваше предложение ещё в силе? – сжимает на удачу кулак. Я тоже пальцы скрестила, – здорово! Я нашла специалиста Вашему мальчику! Отличного, самого классного специалиста! Да, да! Не пожалеете! – пауза... внимает трубке... потом, – всё передам! Да она согласна с мая приступить! – выключает, – Маха! Средиземье у нас в кармане!..

***

Средиземье в кармане, а Маша в тумане! – вот так можно охарактеризовать моё состояние, в котором обдeldываю все дела для поездки.

Сначала после работы в тот же день отправляюсь на собеседование к банкирше. Иду, как на экзамен, словно, если провалю его, то вся жизнь полетит в тартарары. Хотя, казалось бы, ничего такого сверх заманчивого в её предложении нет. Про бесплатный сыр в мышеловке знает каждая мышь, даже очень наивная, поэтому в альтруизм матёрый тётки, для которой счёт денег – профессия, ни на грош не верю.

Наоборот, думаю, с её баловнем-сыном, которого к тому же обидела судьба, будет вовсе непросто. Но для меня сейчас это самое оно! То, что нужно. Как говорится «клин клином». И чем острее окажется этот новый клин, тем меньше буду думать и проливать слёзы по своей неудавшейся любви. Да хоть к пчёлам в улей, лишь бы Кузю из души изгнать, а заодно и из памяти.

В зале для физических лиц в этот час немногочисленно, а меня уже поджидает прекрасное создание на бесконечных ногах, уходящих в целомудренный разрез строгой чёрной офисной юбки-карандаш, для усиления эффекта понимания моей ущербности, упакованных в такие же бесконечные каблучки. Белая блуза, перехваченная по вороту хомутом шёлкового платка фирменных цветов банка, безупречна, как и её владелица.

Такое чувство, что я явилась на дефиле недели моды в Париже, но оглядевшись, понимаю, что рядовые сотрудники, занятые работой с населением, нормальные живые люди. Неужели это эфирное существо с тугим почти смоляным пучком, каждая волосинка которого приклеена к определённому месту, и нежно розовыми, подозрительно пухлыми губами, живое?

Живое оказывается,

– Вы Мария Анисимова? – безошибочно вычисляет, а я как слепой котёнок тычусь тут, не зная, куда податься.

– Да, – робею, как-то разом. Прекрасная дева выше меня на целую голову. Рядом с таким совершенством, ощущаю себя полным убожеством. Зря сразу рванула, надо было договариваться на другой день! Хотя бы немного причередилась. Но банкирша тянуть не захотела, назначила сегодня же. Девчата надавали косметики, а Ленка расщедрилась на свой модный джинсовый пиджачок,

– Принимают по одежке, а ты не готова, – куда уж мне! Я свою горькую судьбину вторые сутки оплакиваю, не до красоты.

Но раз пошла такая тема, то плач Ярославны можно и на потом отложить. С этим делом не опоздаю, наоборот, если не понравлюсь банкирше, ещё повод для нытья добавится.

– Мы пришли, – прекрасное существо останавливается подле массивной двери с красивой табличкой «Финансовый директор Кременецкая Ирина Львовна» – колени предательски дрожат. Фамилия, наверное, говорящая!

Захожу в царские покои с лучезарной улыбкой, блеском в глазах и предынфарктным состоянием в сердце!

– Ирина Львовна, это Мария, – сообщает ангел на ходулях.

– Спасибо, Кристина, можешь быть свободна, – ангел уходит, а я стою и прямо кожей чувствую, как меня рентгеном.

– Здравствуйте, – что-то с голосом, хотелось уверенно, а получилось пискляво.

Деловая дама, очень стильная, очень моложавая, ухоженная, подтянутая и, я бы даже сказала, сухая. С ультракороткой стрижкой по нездешней моде на платиновом блонде. По такой возраст определить невозможно, от тридцати пяти до пятидесяти, а может и ещё лет пять в ту или другую сторону. Она напоминает натянутую струну, настолько прямая, отглаженная, узкая, безупречная, в стильных чёрных брюках и каком-то фантастическом жилете на белоснежной блузе, с неброским макияжем, мраморной кожей и минимумом украшений. Представляю, сколько этот минимум стоит!

Указывает на белое кожаное кресло,

– Присаживайтесь, Мария, – голос бесстрастный, глаза чуть навывкате, светло-серые со сталью, глянула, что льдом обдала. Представляю, как её малышу несчастному живётся с такой мамашей.

Ирина Львовна устраивается напротив на такое же. Между нами стеклянный прямоугольник стола, – чай, кофе?

– Воды! – в горле пересохло. Банкирша жмёт невидимую кнопку, и ангел появляется вновь, не успевает открыть рта, как она отдаёт приказ,

– Госте воды с лимоном, а мне, как обычно, – ангел, кивнув, удаляется. А моя потенциальная работодательница переходит к делу, – итак, Мария, время – деньги! Поэтому не будем терять ни то, ни другое. Вы принесли свои документы?

– Да! – вынимаю из сумки, Боже, совсем непрезентабельной по сравнению с этой женщиной, этим кабинетом, её одеждой сумки, пакет с дипломом, сертификатами по специализации, санитарной книжкой и прививочным листом. Подаю.

– Очень актуальная вещь в наше время, – кивает на последний. Бумаги внимательно рассматривает, вчитывается. Вроде довольна, что я так обстоятельно подготовилась, но это ещё не всё, – паспорт. Достаяю и его. Такое чувство, что родословную осталось показать до седьмого колена. Ничего себе, конкурс нянек для её принца крови!

А, что? Если такая мамуля, то ведь яблоко от яблони... Представляю, что там за яблочко уродилось!

Внимательно изучив все бумажки, Кременецкая возвращает их мне за исключением паспорта,

– Надо сделать копию.

– Зачем? – что-то мне уже не хочется ни на юга, ни в няньки.

В это время ангел Кристина очень грациозно входит с подносом. Составляет на столик прозрачный бокал с распутившимися лепестками какого-то бледного с приятным ароматом напитка для начальницы, и высокий тонкостенный стакан с лимонной водой для меня. Ирина Львовна передаёт ей мой паспорт,

– Все страницы, пожалуйста, – секретарша забирает, даже не поинтересовавшись, что сделать: скопировать, выдрать или съесть! И удаляется.

На мой тревожный взгляд, коим провожаю свой главный документ, отвечает,

– Это для открытия счёта, на который будет приходиться зарплата.

– Значит, Вы меня берёте?! – так обрадовалась, что забыла, с кем имею дело.

Глава 8.

– Стоп, стоп! – Кременецкая ставит на столик свой бокал с ожившим цветком внутри. – Это на всякий случай, чтобы не гонять Вас лишний раз, – и переходит к делу, – Мария, ответьте на несколько вопросов, – я напрягаюсь и даже с трудом глотаю воду, которая мне сейчас так необходима, потому что не знаю, сдам ли этот блиц под острым пытливым взглядом.

Но вроде всё по делу спрашивает,

– Вредные привычки?

– Нет! Никаких вредных привычек! – сигареты выкину на хрен!

– Прекрасно! Расскажите о профессиональных навыках, – расслабляюсь и принимаюсь перечислять,

– Уход за больными. Инъекции внутримышечно и внутривенно, инфузии, если нужно. Общий массаж и физиотерапевтические процедуры, при наличии соответствующих приборов, – вряд ли они найдутся на съёмной вилле, хотя у этой дамочки, похоже, всё схвачено. Если надо, она и томограф в личное пользование заполучит. Но Ирина Львовна сбивает меня с толку странным вопросом,

– А, как у Вас дела по части эндокринологии?

– Вы о чём, извините? – я даже растерялась. Если обо мне тревожится, так вроде всё в порядке.

– У моего сына сахарный диабет первого типа, и нужен медработник, который бы смог контролировать сахар в крови, режим, соответствующую диету. Ну, Вы сами должны понимать, какая это ответственность? – взглядывает строго, оторвавшись от чая.

– Да-а... – мало того, что ребёнок полный инвалид, так ещё и диабетик! Может, свалить, пока не поздно? Начинаю ёрзать, кресло вроде мягкое, удобное, но ноги просятся в побег. Потенциальная работодательница понимает мою возню в меру собственной испорченности и, взяв квадратик бумаги из блока с логотипом банка и стильную чёрную ручку «Паркер», рисует на нём шестизначную цифру, равную моему полугодовому заработку,

– Это ежемесячная зарплата, которая будет падать на Ваш накопительный счёт с максимально возможным процентом по вкладу каждое последнее число месяца, – замираю, – а если я увижу у сына по итогам поездки улучшения, премия может удвоить сумму вклада, – осознаю с трудом, что она сказала, и таблица умножения – сука забылась сразу! А Кременецкая вбивает последний гвоздь в крышку гроба моих колебаний, – с учётом того, что будете жить на всём готовом, думаю, это неплохое предложение?

– Нормаль-ное... – даже представить страшно, какая участь ждёт за такие золотые горы, но сразу душу дьяволу продавать не собираюсь, немного побарахтаюсь,

– А, если у меня не получится? Ну, мало ли, заболёю внезапно, или мальчику Вашему придусь не по душе?

– Не хотелось бы. Тогда надо будет спешно искать замену, – размышляет банкирша, но не долго, – мы составим договор! Учтём форс-мажоры, – кто бы сомневался! У них тут в банке заключать кабальные сделки в порядке вещей, и обязанности сторон чётко прописаны, причём, не в пользу клиента. Интересно, кто в нашем случае клиент? – но при любых обстоятельствах, о решении расторгнуть его, Вы обязаны предупредить меня за две недели. И, если расторжение будет досрочным по Вашей инициативе, то деньги за неполный месяц я возьму в уплату штрафа.

– Хорошо, согласна, – лихорадочно соображаю, что валить, если что, надо первого числа! Хотя бы месяц продержусь, уже в плюсе!

– Я и не сомневалась, – усмехается искусительница, – но, прежде чем подпишем договор, сдадите мне экзамен по теме «Медицинская помощь больным сахарным диабетом».

– Сдам! – отчего-то берёт азарт, и уже не втягиваю голову в плечи от режущего, словно скальпель, почти немигающего стального взгляда. Наоборот, распрямляюсь и припоминаю, что в училище на экзамене, мне как раз, достался билет с вопросом по диабету, и я получила пятёрку! Один раз сдала и ещё раз, – сдам, – повторяю уже спокойней, – когда?

– Назначу, – на полном серьёзе, – выберу свободное время на следующей неделе и позвоню.

В это время Кристина, заглядывает в бесшумно приоткрытую дверь,

– Паспорт...

– Давай сюда, и копии мне на стол, – она послушно цокает, стараясь ступать, как можно тише, но совсем погасить шаги на паркете не удаётся.

– Ну, я побежала? – получив документ, ценные указания и, увидев цель с пятью нулями на конце, помноженную с мая по октябрь на полгода, да плюс проценты и возможная премия, не хочу больше терять ни минуты. Мне надо проштудировать учебник по разделу сахарного диабета и пройти экспресс-практику в отделении эндокринологии так, чтобы покорить каменное сердце мадам Кременецкой раз и навсегда!

Но она останавливает,

– Минуточку, Мария! Ещё один вопрос!

– Я вся – внимание, Ирина Львовна! – кажется, сейчас сорвётся!

– У Вас есть загранпаспорт? – так и знала!

– Н-нет! – надо что-то делать! Нельзя, чтобы сделка не сладилась из-за такой фигни! – но я же успею получить?

– Бегом! – в приказном тоне, – собирай документы на подачу! Если что, я потороплю в паспортном столе! – всё-то у неё схвачено, всё под контролем!

– Уф-ф... – кажется, пронесло! И вот это её «бегом», как-то обнадеживает! Всё-таки, она меня берёт!

***

Дальнейшее настолько захватывает, что стенания по Кузе уходят на второй план. Нет, нечего и думать, не забыла! Больно, противно, в каждом пролетающем мимо мотоцикле чудится его Хонда, каждого блондина, появляющегося на горизонте, принимаю за любимого, всё ещё ненаглядного, хоть и подлеца, пока не приблизится, чтобы разглядеть походку и фигуру и выдохнуть: не он. По ночам не могу заснуть. И вовсе не из-за того, что диван у родителей в гостиной неудобный, или мешают. Просто уже привыкла, что моя рука покоится на его боку, а живот прижимается к горячей голой спине. Вот такой Тедди мне нужен в качестве снотворного, а вовсе не милый плюшка, которого я так и не решилась выбросить. Игрушка-то чем виновата?

Но доминанта всё же сменилась, как если бы болела нога, а потом прихватило зуб. Боль в конечности никуда не делась, но стало не до неё, всё внимание зубу. Вот и у меня сейчас самые больные места сахарный диабет первого типа со всеми его премудростями, оформление загранника, объяснение с родителями, куда меня понесло.

Мама за голову схватилась,

– Машенька! Не вздумай! Знаешь сколько таких случаев! Завлекут наивную девушку большими деньгами, она и поверит. А как на место прибудет, так сразу продадут в гарем!

– Мама! Какой гарем? «Тысячи и одной ночи» перечитала?

– Нет, Машуля, мама гарем с публичным домом спутала! – папа добивает совсем. Хоть отказывайся. Но тут возникает довольно весомый аргумент,

– Не может высокопоставленная банковская служащая оказаться сутенёром! – и потом, – про диабет-то зачем ей сочинять? Экзамен принимать у меня?

– Ох, дочка, смотри, как бы не пропасть в чужих-то краях!

– Не пропаду! В следующий раз договорюсь с пациентом познакомиться.

– Надо было сразу!

– Так я ж экзамен ещё не сдала! – вроде отстали, но на инвалида и правда, стоило бы глянуть.

Глава 9.

Стоило бы, но не судьба! И экзамен сдала, и с паспортом успела, и родителей успокоила, и даже совершила невозможное: выпросилась в административный отпуск на шесть месяцев!

Конечно, меня бы ко всем чертям уволили, и не посмотрели, что столько лет без нареканий отработала, но вступилась наша старшая медсестра Юлия Николаевна,

– У Марии очень сложные обстоятельства, надо войти в положение, – и вошли! Хотя надвигаются летние отпуска. Слава Богу, пациентов в это время тоже немного, это не сопливый сезон, зато дачно-радикулитный. Но девочки обещали справиться.

За всей кутерьмой внезапно наступил день отъезда. Вещи собраны, вышло не так уж и много, ведь в лето отправляюсь. С ума сойти! У меня будет целых полгода сплошного лета! Ещё раз перебираю документы, не забыла ли чего, вокруг мама суетится с тревогой в глазах, папа предлагает,

– Может, проводить всё-таки до аэропорта?

– Ну, зачем, пап? Это ж не на наш железнодорожный вокзал смотреть! За мной машину прислать обещали, скажут,

– Кто такие? А, если не скажут, но назад не повезут? Это ж, сколько денег потратите, устанете! Не на дачу, а до Москвы пилить и обратно! – действительно, чего мучить стариков? Какая разница, здесь мамуля вот-вот разразится слезами или на глазах у зрителей в аэропорту?

Блямкает СМСка,

– Приехала, давайте прощаться, родители! – мама повисает на шее и ожидаемо топит меня в слезах,

– Ты хоть звони почаще!

– Обещаю, каждый день буду звонить и фотки слать. Не в каменном двадцатом веке живём! Вот увидите, всё будет хорошо!

– Маш, это всё из-за Егора? – не утерпело материнское сердце! Я ведь так и не собралась рассказать, что произошло в ту ночь, после которой оказалась на родительском пороге с чемоданом. Просто не смогла. Как представляю, выть хочется! Что это? Вероломство? Предательство? Что сказать? Как ей объяснить, что на душе творится, если себе не могу,

– Ну, если бы у нас всё было нормально, я бы просто не получила такого привлекательного предложения, но сложилось, как сложилось, значит, судьба.

– Я провожу до машины, – папа понимает бессмысленность обсуждения. Тем более, когда решение принято. Идёт в прихожую и поджидает меня.

Прощаемся с мамой, так трудно оторваться. Мы никогда не расставались больше чем на месяц, когда в загородный лагерь ездила летом, так и то они каждый выходной навещали, а здесь целых полгода и не в лагере.

– Ну, всё, мамуль, всё! Не плачь! – сама уже еле держусь.

Потом ещё одно прощание с отцом. Он, спустившись вниз, не удовлетворился подъездным крыльцом, дошёл до машины. Ладный водитель при костюме и галстукке пожал руку и, легко подхватив чемодан, отправил в багажник. Мы обнялись, и папуля шепнул на ухо,

– Вроде, приличный... Но, если что, звони, я всех на уши поставлю! – это он умеет.

– Я знаю, пап, знаю, как волнуется, но не могла остаться! Просто очень... – сейчас разревусь.

– Больно, – доводит невысказанную мысль до конца, – знаю. Поезжай, всё будет хорошо.

– Спасибо, пап! Ты настоящий, настоящий... – и захлёб!

– Друг! А не поросычий хвостик! – вытирает слёзы, целует. Эта его шутка со мной всю жизнь. Такая привычная, такая родная! А я-то хотела сказать: настоящий отец!

– Я люблю тебя, пап! Вас обоих очень, очень!

– Знаю, мы тебя тоже... – еле оторвалась. Водитель уже нетерпеливо топчется у открытой дверцы, но прощаться не мешает.

Сажусь на заднее сиденье, верчу головой, чтобы поймать ещё раз отдаляющуюся родную фигуру, замечаю, как он фотографирует автомобиль на телефон, вот ведь перестраховщик, и машет рукой. Водитель тоже всё видит в зеркале заднего вида,

– Похоже, батя – любитель детективов? – усмехается.

– Да они чего там только не надумали себе с мамой, – немного неловко, но их можно понять, – я ж не уезжала ни разу. А за границей вообще не была.

– Не бойсь, как тебя звать-то? Меня Григорий!

– Маша... Мария!

– Не бойсь, Маша-Мария, не в ссылку едешь. Благодарю Бога, что счастливый билет подкинул, – весёлый мужичок. Сразу успокаиваюсь, дышать легче. От дома оторвалась, теперь не оглядываться и смотреть только вперёд,

– Я сначала своими глазами на этот билет погляжу! – уже могу шутить.

За пять часов пока мы едем до столичного аэропорта, поскольку своего у нас в области нет, Григорий смешит меня анекдотами и разными прикольными историями. Я уже нахохоталась на его шутки до коллик в животе. Он даёт мне небольшую передышку, забежать в туалет на заправке и потом дальше травит свои байки, и даже заходя в огромный терминал, куда он меня сопровождает, никак не могу сдержать улыбку.

Всё в новинку: чемодан, поехавший по транспортёру на досмотр, как пациент на рентген, проходит через рамку металлоискателя, которой не понравились металлические браслеты на запястье, суровые лица служащих, заставивших снять украшения, будто я бомбу проношу.

– Такая у них работа, – объясняет водитель, хотя не спрашиваю. Просто иду рядом, озираясь по сторонам и не представляю, как бы сориентировалась без провожатого.

Но он видимо, частенько бывает здесь. Шагает уверенной походкой, а я уже не смеюсь. Волнение нарастает. Всё-таки, ни разу не летала. Разномастный народ кишит во всех направлениях, экипажи в форменной одежде с небольшими чемоданчиками: красивые стройные стюардессы, эффектные, вальяжные, как хозяйка жизни, пилоты в фуражках.

– Нам на второй, – поднимаемся по эскалатору, вижу сквозь стеклянные стены большую площадку с самолётами разных компаний, слышу гул прогреваемых моторов. Скоро и я буду сидеть в таком! Ух, мамочки!

– Вот и пришли, – Григорий показывает вперёд, – видишь стойку регистрации бизнес-класса?

– Чего?

– Вон, Ирина Львовна с Алексеем уже там! – следую взглядом за его рукой. Вижу банкиршу, как всегда элегантную и безупречную в светлом брючном костюме. А светлое ей, всё-таки, идёт. Ей, вообще всё идёт, конечно, дамам с её достатком, доступны такие наряды, что не могут не идти. Рядом какой-то кучерявый брюнет, видимо, сопровождает её и помогает с инвалидом. А, где же мальчик-то? Наверное, где-нибудь в сторонке отдыхает с няней, таким людям волноваться нельзя. Интересно, куда кресло инвалидное денут на время полёта?

– Ирина Львовна! – Григорий окликает хозяйку, – мы прибыли!

Кременецкая оборачивается, парень тоже. Он бросает на меня высокомерный недовольный взгляд и замирает на некоторое время, словно сканирует. Пересекаемся. Ничего хорошего и доброго в нём не вижу. Если этот сноб полетит с нами и останется, чувствую, общий язык найти с ним будет не просто.

– Машкин! – Господи! Как кипятком плеснуло!

– Егор? – Кузя в своём крутом байкерском прикиде, со шлемом на руке, скользит на поворотах, рискуя посшибать народ, летит ко мне на бешеной скорости, раскрасневшийся, запыхавшийся с букетом! Как и довёз?

Глава 10.

– Успел! Слава Богу, успел! – повторяет, не обращая внимания на зрителей, которых всё больше привлекает неожиданная пикантная сцена. Пытается обнимать, – ещё бы немного, и опоздал! Это тебе! – розы вручает.

Столбенею и не представляю, что делать, но букет принимаю. Если что-то дают, руки берут сами на автомате. Перехватываю недовольный растерянный взгляд Кременецкой.

– Эй, ты откуда взялся, парень? – Григорий пытается прояснить ситуацию. А я теряюсь, не знаю, как себя вести.

С одной стороны, радуюсь, что мой блудливый кот, всё-таки, явился! Не безразлична ему! Сердце выпрыгнуть готово от восторга и не то, что пойти, а побежать, куда позовёт!

С другой, пока не позвал. Да и не собираюсь я так просто бежать за ним, очертя голову, после такого предательства. Пускай хотя бы извинится, объяснится, наконец!

Моё замешательство Кузя принимает, как руководство к действию,

– Пойдём, Машкин! – пытается отобрать выдвижную ручку чемодана у водителя, а сам другой рукой тянет меня на выход в сторону эскалатора, – пообижалась и будет! Дело-то житейское! Видишь, и мама твоя тоже так считает, иначе не направила бы сюда! Я опоздал-то всего на пятнадцать минут! Еле отыскал тебя здесь! Уже давно бегаю! – он всё толкует что-то, Григорий с чемоданом расставаться не спешит, Кременецкая чернее тучи, парень – сопровождающий, вообще смотрит, как на презренную букашку, а я всё силюсь сообразить, что же мне так тошно?

Мозг лихорадочно перебирает по крупицам Кузины речи, подкидывая их на анализ подсознанию или душе, как хотите, так и думайте, а она мгновенно решает, отозваться или нет. Всё вроде ровно, ни на чём не ёкает, не колет. Но вот то самое «дело житейское» вызывает мгновенный прилив крови к голове, взрыв протеста!

– Я сейчас! – говорю всем сразу и никому конкретно, – отпусти, – отдираю Кузину руку от чемодана, – пойдём в сторонку, поговорим.

Веду себя так, будто ничего из ряда вон выходящего не произошло, но внутри полыхает! А голова-то должна быть ясной! Вот он момент истины! Сейчас или никогда надо принять решение, от которого будет зависеть, в какую сторону покатится клубок моей судьбы.

Егор, уверенный, что дело в шляпе, оставляет в покое чемодан,

– Я вернусь за ним, охраняй! – распоряжается Григорию по-хозяйски и идёт за мной следом. Мы находим пустую безлюдную секцию, похожую на аквариум. Даже странно, что здесь никого нет. Только один мужик разлёгся на четыре сидения разом, скрутив под голову куртку, и спит себе спокойно. Надеюсь, не сильно потревожим,

– Зачем приехал? – ходить вокруг да около некогда, надо определяться.

– За тобой! – лицо недоумённое, а сам лезет целоваться, – я ж тебя одну люблю, Машкин! Наташка не всерьёз! Я её знаю сто лет, там, в голове ветер, в заднице дым!

– А чего делал с задницей тогда ночью?

– Ну, ты же понимаешь?! Покатушки, скорость, ветер в лицо, адреналин! Тебя рядом не было! – до чего же оправдания хороши!

– Ты сам меня к родителям отослал, – напоминаю, – так невольно стало, что потерпеть нельзя? Или тебе вообще, по фигу с кем?

– Слушай, Мань! Давай из мухи слона не лепи! – пытается сгрести за плечи в объятия, но не тут-то было!

– Из мухи?! Ты считаешь это нормально? Жена, практически жена, возвращается домой, а муж кувыркается в постели с другой? Это ты мухой считаешь?! – даже не тушуетсся,

– Так ты бы не увидела, если бы не вернулась! И ничего бы не случилось. Ведь не случилось же? – вот это новость,

– То есть, ты это практиковал и раньше? Мне дифирамбы пел, а в это время шлялся? Работой прикрывался, а сам!.. – меня уже разрывает от гнева, так и хочется отходить по смазливой морде букетом. Но всё ещё пытаюсь понять природу вещей. Что в этой башке творится? Неужели он действительно ничего не понимает? Ну, невозможно же, что я столько времени жила с идиотом и не разглядела?!

– Да все так живут, – искренне недоумевает, – это в мужской сущности заложено: чем больше, тем лучше.

– В чьей сущности? Ты сбрендил?! Кто тебе наговорил такой хрени?!

– Да ты сама-то сбрендила! Мои так живут всю жизнь. Душа в душу, и деток пятерых настрогали! И любовь до гроба! Мамка знает, что батя никуда от неё не уйдёт, и хозяйственный, всё в дом! – бедная мамка. А этот придурок думает, что такая жизнь в порядке вещей. Норма! И это они пятерых пацанов таких вырастили! То-то счастливицам мужья достанутся!

– Так никто не живёт! Это ненормально! Мои так не живут!

– Да твои вообще никак не живут! Одного-то ребёнка и то не сумели, взяли приёмыша на воспи... – он осекается, поняв, что перешёл грань, а я не могу вдох сделать, грудь сдавило так, что сейчас умру. Поделилась с ним в порыве откровенности, считая, что раз вместе на всю жизнь, всё равно бы узнал.

Ловлю воздух ртом, как рыба на песке, хватаюсь взглядом за всё подряд в поисках опоры. Вижу, Кременецкая кому-то названивает, Григорий рядом, а парень, что с ними, смотрит в упор на меня. Издалека, сквозь мутную перегородку оргстекла не пойму в точности выражения его лица, но сам факт, что он удерживает глазами, даёт облегчение!

Я, наконец-то делаю вожделенный, так необходимый мне вдох, потом выдох, с которым будто груз сваливается с плеч, пихаю Кузе букет и ухожу,

– Прощай, придурок!

– Ты сама-то дура! – разоряется вслед, – в услужение к господам подалась? Горшки мыть, памперсы менять? За уродом ухаживать? – надо его тут заткнуть, иначе, если он всего этого наговорит при Кременецкой, не знаю, что будет,

– Да! Я лучше полгода за деньги буду ухаживать за физическим инвалидом, чем всю жизнь за моральным бесплатно!

– А я ведь ехал сегодня замуж тебя позвать! – бросает последний, самый главный козырь, но у меня джокер, я в картах поднаторела, были учителя,

– Слава Богу, опоздал! – мне не жаль. Теперь не жаль ничего.

Торопливо выхожу из аквариума, слышу за спиной голос того самого пассажира, которому спать помешали,

– Ну и придурок ты, парень!

– Во-во!

Смотрю кудряш, удовлетворённо кивнув Григорию, накрывает рукой трубку своего босса, и хозяйка отключается. Как он смеет так с ней? Молодой любовник, что ли? Ловелас недееспособного пасынка проводить приехал, благодетельницу поддержать? Подхожу, надо объясниться,

– Извините за неприятный инцидент, всё улажено.

В поле зрения пролетает на эскалатор разъярённый Егор, закидывает на повороте в высокую урну букет и скрывается внизу.

– Это хорошо, что всё улажено, – выговаривает банкирша, – а то я уже запасной вариант стала искать.

– Не стоит, Ирина Львовна, – всё-таки, как я ни старалась быть на высоте, но облажалась, надо исправляться, – больше не повторится, обещаю!

– Не обещайте, Машенька, не имейте такой моды, если дело не только в Вас. За всех не решишь и не расплатишься, – чувствую, остывает.

Пока я разбиралась со своим несостоявшимся мужем, регистрацию в нашей очереди прошли все, только мы остались,

– А где же мальчик? Ирина Львовна, где Ваш сын?

– Да вот он, – показывает на кудрявого, – познакомьтесь уже наконец-то! Мой сын Алексей Гольдман.

Глава 11.

Упс!

Что угодно! Кого угодно ожидала! Думала, подкатят сейчас откуда-нибудь из укрытия чудо перекошенное, с закатывающимися глазами, отвисшей челюстью, по которой стекает вязкая слюна, и руки, как крюки! И шесть месяцев я буду подтирать эти слюны, кормить с ложечки и менять нагрудники и подгузники, нахваливая бедолагу, какой он молодец и вообще, красавца!

А теперь у меня самой челюсть отвисла! Надо бы подобрать, но я про неё забыла, потому что вот так в упор с двух шагов Алексей Гольдман напоминает голливудскую звезду, а не заклеянного проклятьем ущербного инвалида!

Видно, видон у меня красноречивый, потому что кудряш бросает сначала насмешливый, а потом даже жалостливый взгляд и разряжает обстановку,

– Алексей, – подаёт руку. Мне нравится в нём всё! Даже бархатный баритон, которым сказано имя! Стекаю в туфли.

– Ма-ша... – пишу на последнем издыхании, челюсть кое-как встаёт на место. Стыдоба, хоть провались! Столько стрессов в течение часа ни одно сердце без ущерба для организма не выдержит, – Мария! – опускаю ладошку в его. Немного сжимает. Его ладонь тёплая, большая и уютная. Мягкая, я не чувствую никаких шершавостей или мозолей, как у Кузи. Холёная рука со вполне здоровым мужским рукопожатием и офигенно красивыми длинными пальцами, как у пианиста.

Проходим регистрацию, наши чемоданы с наклейками уплывают по транспортёру в неизвестном направлении, билеты и паспорта оказываются у Ирины Львовны.

Зачем Кременецкой потребовалось придумывать байку про инвалида? Гляжу на неё недоумённо. Рукопожатие давно закончилось, осиротевшие пальцы почувствовали неуютную прохладу и поняли, где им лучше. Эх, из огня да в полымя!

– Мария! – банкирша выдёргивает меня из трансa, – давайте отойдём и обсудим оставшиеся вопросы.

– Ик! – это вместо «да». Иду за ней. Сынок о чём-то беседует с водителем.

– Что это было, Маша? – нормальный вопрос! Это она у меня спрашивает! Я должна спрашивать, какого чёрта вы все тут комедию ломали? В каком качестве наняли меня? Что вообще происходит? И я даже не представляю, какой вопрос задать первым! – Маша, что ты молчишь, как будто воды в рот набрала?

– А? – я не очень многословна.

– Маша, кто этот парень с розами? Муж? – Потом сама себя опровергает, – да нет, паспорт чистый. Потом опровергает наоборот, – ну да, при нынешней свободе нравов, штамп – всего лишь клякса, – снова тормозит, – Маша, точно можете ехать? До вылета меньше часа, а Вас, как пыльным мешком ударили!

– Ирина Львовна, скажите честно, зачем я Вам сдалась в этой поездке? – меня наконец-то расклинило, и пока она слушает, я выпаливаю всё, – говорили, ребёнку инвалиду уход нужен, кормить, режим соблюдать, уколы делать... – я ещё только начала, но Кременецкая перехватывает инициативу,

– Какому инвалиду? Вы с ума сошли? Лёшка – здоровый парень! – потом осекается немного, – почти здоровый. Если бы не диабет. Я не говорила, что его надо кормить с ложки! Этот болван круглые сутки сидит в компьютерных играх, поест-то забывает, не то, что укол себе сделать! Уже всю меня искастил, что оторваться пришлось! Да я сама бы поехала, но не могу! Работа требует постоянного присутствия. Мне нужен кто-то, чтобы контролировал его жизнь! И понимал хоть что-то в специфике жизни диабетика! Я Лену хотела отправить, мы уже достаточно знакомы, чтобы я могла доверить ей сына, но она отказалась! Понять можно,

у девочки свадьба на носу, куда ей ехать! Спасибо, Вас порекомендовала. Да я нашла бы кого-нибудь другого, но Вы оказались мне ответственным, разумным человеком! А тут этот петух расписной примчался! Я понимаю, девчонки таких любят! – с горечью. – Так Вы, точно, не сорвётесь на брачный щебет своего байкера? – в глазах надежда и тревога одновременно. Вот оно – истинное лицо стальной леди! Её слабое уязвимое место!

– Не сорвусь, с ним всё кончено! Когда я пришла к Вам, уже было кончено, только он не понял. Но сейчас, кажется, дошло.

Пока объяснялись, уже объявляют посадку, а мы ещё не прошли паспортный контроль!

– Давай, девочка, не подведи! Если всё будет хорошо, не пожалеешь! – Ирина Львовна выдохнула свободно, после моих заверений в нерушимости обещаний, и теперь торопит, даже перейдя на «ты» – вот паспорта, вот билеты, вот контейнер с инсулином, следующая инъекция перед едой, не забудь! А сейчас надо поспешить!

Она быстро обнимает парня, который выше её на голову, целует в обе щёки, что-то говорит и отпускает. Я в это время спешно заглатываю воду, которую, оказывается, дальше проносить нельзя, а у меня, как назло, сушняк от волнения!

Потом мы с Алексеем пролетаем стойки паспортного контроля, досмотра и уже бегом мчимся к нужному выходу на посадку. Конечно, последними...

***

А лететь бизнес-классом, оказывается, круто! Я глянула, как люди ютятся в экономе. А здесь красотища: каждое место отдельно со своей приват-зоной, телевизором и даже есть возможность разложить кресло и поспать.

Это здорово, что мне не приходится сидеть несколько часов подряд бок о бок с незнакомым человеком. Есть время привести мысли в порядок и всё обдумать. Выглянула за перегородку: мой подопечный уже растянулся почти во весь немалый рост, уши наушниками заткнуты, в руках планшет, длинные пальцы лихо бегают по приставной клавиатуре. Кто бы сомневался.

После нервотрёпки последних трёх часов, накрывает расслабон. Мы уже час, как в полёте, и я успокоилась. Просто дремлю, прикрыв глаза.

А пока самолёт разгонялся по взлётной полосе, сотрясаясь корпусом, опасалась, что он развалится, потом, когда оторвался от земли и стал набирать высоту, замутило от страха, что упадём. Я, сжимая поручни кресла до ломоты в пальцах, пялилась в иллюминатор, осознавая, что мы всё больше и больше отдаляемся от земли, и если шмякнемся, то вдребезги. И так мне в это время не хватало мягкой тёплой мужской ладони, в которой моя рука нашла бы покой и поддержку.

Глава 12.

Как так вышло, что я подумала о сыне Кременецкой, что он глубокий инвалид? Перебрав в памяти наши разговоры, ни разу не могу припомнить, чтобы она говорила такое. Но и не опровергала. Вернее, ей нечего было опровергать, потому что из деликатности я ни разу её об этом не спросила.

Из всех моих профессиональных навыков, кроме знаний о диабете и всего что с этим связано, её не заинтересовало ничего. Разве что в общих чертах на всякий случай. Зато мы обсудили все новшества в области борьбы с диабетом и улучшения качества жизни пациентов, страдающих этим недугом.

Мы даже разговорились об инсулиновой помпе. И выяснилось, что и этот гаджет есть в её арсенале, причём одна из самых современных версий. Штука запредельно дорогая и очень навороченная, но вся беда в том, что упрямое дитяtko никак не желает её себе поставить! Не то чтобы вообще отторгает, но, как я поняла, в знак протеста, из-за сильной материнской опеки. Глупо, конечно, весь юношеский нигилизм, как рукой снимают настоящие трудности самостоятельной жизни, которые неведомы нашему герою.

Условились, что это чудо техники в полном наборе вместе с комплектом картриджей, и традиционными шприц-ручками она упакует в багаж, и если мне удастся сломить сопротивление сына, и он ею начнёт пользоваться, то очень этим её обрадую! Мы обсудили всё, но почему-то ни разу конкретно не коснулись предмета нашей заботы!

Возможно, Ирина Львовна сочла, что Ленка мне всё рассказала, а Ленка подумала, что нас познакомит Кременецкая? Но, как бы там ни было, Алексей Гольдман стал для меня полнейшим сюрпризом. Надеюсь, в хорошем смысле слова.

От мыслей о нём приятно-тревожно заныло в груди, и ладонь пошла мурашками при воспоминаниях о контакте.

Сколько ему лет? Жаль не успела заглянуть в паспорт. По виду мой ровесник, но ясно, что бездельник, маменькин сынок. Такой детина, а всё в игрушки играет! Настоящей жизни не видел! Один из тех баловней судьбы, родившихся с серебряной ложкой во рту, что думают, будто булки на деревьях растут, а молоко коровы сразу производят в пакетах.

Почему у него фамилия другая? И на мать не похож ни капельки. Может, такой же приёмш, как и я? Но Кременецкая над ним трясётся, как царь Кощей над золотом! Впрочем, мои тоже волнуются. Правда, не так безумно. Но он же болен, это объяснимо. Если болезнь выявилась рано, она, конечно, привыкла над ним орлицей кружить, вот и вырос барчук. А, может, он и ничего? Нормальный, адекватный?

Столько вопросов, так хочется спать...

...Кажется, всё-таки, сморило. Потому что в первый миг пробуждения не пойму, где я. И что за парень меня разглядывает. Резко сажусь, соображаю: самолёт, Алексей, на столике закрытые судки, и пахнет едой. Проголодалась.

– Извини, разбудил, – виновато, – у тебя обед остыл уже.

Значит, он поел, а я проворонила укол! Хватаюсь за сумку, там шприц-ручка, он останавливает,

– Не волнуйся, – достаёт свою дежурную из кармана джинсов, – ширнул.

– Спасибо! – успокаиваюсь. Открываю еду: мясо с рисом, какой-то чудной пирог, слоями проложенный то ли творогом, то ли сыром, и понимаю, что это не стол номер девять, прописанный для питания диабетиков, – вскидываю взгляд вверх, он всё ещё нависает надо мной,

– Без паники, у меня был другой набор.

– А так можно? – с чего бы для каждого пассажира делать индивидуальное меню?

– Можно, главное заранее указать при брони билетов, – нормальный серьёзный ответственный человек. На кой я ему сдалась? А он вдруг, делает виноватое лицо и признаётся,

– Но я у тебя украл булку! – и расплывается в такой довольнущей улыбке во все тридцать два, как нашкодивший мальчишка, разбивший футбольным мячом окно в учительской, сознающий, что ему за это не попадёт. Просто не могу в ответ не улыбнуться,

– Ты – хулиган! – на «ты» перешлось как-то, само собой.

– Хлеба пожалела? – обиженно, а в карих глазах лукавство, да и губы удерживает с трудом, чтобы снова не расцвести.

– Так нельзя же! Что мне Ирина Львовна скажет?

– Можно, если осторожно! Что теперь по струнке ходить и не дышать? – смотрю, раздражается. Значит, больная тема – ограничения.

– Ну, если осторожно, то конечно, можно... иногда.

– Договоримся! – кивает удовлетворённо и уходит на своё место.

Алексей мне симпатичен. Даже очень! Он красавчик. А глазищи вообще, космос! Яркие, тёмно-карие, очерченные рамкой длинных, загнутых, как у куклы, пушистых чёрных ресниц. Интересно, у него девушка есть? Не может быть, чтобы у такого молодца никого не было. Но тогда логичней бы его на отдых отослать с ней! Раз он сам прекрасно справляется, всего-то и надо хорошую компаньонку с некоторыми навыками и большой долей ответственности...

И меня осеняет в каком качестве я сопровождаю сына Ирины Львовны! А обещание удвоить гонорар, если мальчик будет доволен, а ей всё понравится, и вовсе звучит двусмысленно.

Она что же, в проститутки меня наняла своему младенцу? Или, как там называется: эскорт? Все справки мои пересмотрела, санитарную книжку и даже прививочный сертификат! Зачем такие сложности? И в положительном результате никакой уверенности. Могла бы нанять профессионалку, чтобы уж наверняка! Чтобы не бегал парень по турецким окрестностям и борделям, а сидел на месте и получал всё, что возжелают душа и тело от проверенной здоровой девки.

Я-то ему зачем? Да ещё сценка непредвиденная сегодня приключилась с Кузей! А противно-то как! Ехали бы мы сейчас на машине, потребовала бы высадить! И из поезда вышла бы на ближайшей станции. Помнится, какая-то умнуша из рублёвских жён в своё время, возомнив себя великим писателем, накатала опус, получивший приз то ли «Серебряная калоша», то ли «Золотая малина», за то, что две героини, нацепив парашюты, вышли из пассажирского самолёта там, где им захотелось. В той книжке подобных косяков было до фига, но вот я бы сейчас, будь моя воля, реально вышла, как они!

Интересно, сыночек в сговоре с мамулей? Ишь, разулыбался! Булку он мою сожрал! Дальше булки дело не пойдёт! И нечего из себя душку строить! Кроме официального общения ни хрена ты от меня не дождёшься, Алексей Гольдман! Ходи по борделям!..

Глава 13.

К концу полёта окончательно утверждаюсь в мысли, что самым лучшим вариантом поведения будет холодная вежливость, отсекающая всяческие поползновения к чему-то большему, чем деловое сотрудничество на почве его здорового образа жизни.

И, пережив приступ лёгкой паники, связанный с посадкой, как только появляется сеть, отбив родителям СМСку, что приземлились нормально, с кирпичным лицом отправляюсь на выход.

Ни о чём не подозревающий Гольдман, благородно поджидает у выхода в рукав, а потом на ходу пытается забрать из рук довольно увесистую ручную кладь, но я не отпускаю,

– Не стоит, я сама! – получилось очень независимо, так круто и холодно, что он останавливается, чтобы взглянуть в лицо,

– Феминистка, что ли? – спрашивает презрительно, – ну, как знаешь!..

И я, как самая яркая феминистка, получив багаж, качу свой чемодан, который на стыках плит норовит завалиться на бок. Тащу сумку с его же, мать ети, контейнером, набитым картриджами и шприц-ручками, в котором больше льда, чем инсулина, и свою, так называемую, дамскую барсетку, в ней чего только нет, но вполне можно разместить ещё пару буханок хлеба. И надуваюсь от обиды всё больше.

Алексей, играючи помахивая чемоданом, который даже не собирался ставить на колёса, не несёт больше ничего, за исключением планшета, болтающегося в специальной сумке через плечо. Его широкоплечая фигура радостно маячит впереди, ослепляя белизной футболки. Я в дорогу из соображений практичности не решилась нацепить белое, а этому засранцу всё нипочём! Не ему же стирать! Впрочем, и не мне.

Семену со своей тяжёлой ношей, как вьючный ослик, стараюсь не потерять его из вида и, погружённая в собственные мысли, буквально чуть ли не носом тыкаюсь ему в спину.

– Почему встали? – поднимаю голову. Глупый вопрос, нас встречают. Яркий колоритный парень с умопомрачительными бровями и табличкой: Алексей Гольдман и Мария Анисимова, отвечает на почти чистом русском,

– Рад видеть вас на Анатолийской земле! – дарит такую ослепительно белозубую улыбку, что невозможно усомниться, точно, рад! – Я – Шариф!

– Здравствуйте, Шариф! – ну, как с таким не познакомиться? – Мария! – глупо, конечно, у него же на табличке написано моё имя.

– Позвольте, госпожа Мария? – протягивает руку к ненавистному чемодану. Не сопротивляюсь и сумку, которую пожадничала Алексею, тоже сбагриваю. Как гора с плеч! – пойдёмте к машине, – и вправду, чувствую себя хоть чуть-чуть госпожой.

Идём следом за Шарифом, Алексей лишь бросил удивлённый взгляд, когда я легко скинула на водителя свою поклажу, покачал кудрями и ничего не сказал.

А у них тут уже всю лето! Дома ещё в ветровках или даже в куртках люди ходят, и портят настроение беспричинно-осенние затяжные дожди. Родители сетуют, что на даче в гряды не войти, того гляди сапоги засосёт! А здесь ярко-синее небо, незамутнённое ни одним перышком лёгкого облачка, и безудержное солнце, без спросу загребающее в горячие объятья, согревающее душу, обещающее такое сумасшедшее счастье, что хочется петь, танцевать, смеяться!

Улыбчивый Шариф загружает в багажник вещи. Гольдман в это время усаживается сзади, гляжу вопросительно: мне куда? К Шарифу на переднее или к нему под бок? Но наглец демонстративно устраивается по диагонали, упершись спиной в один угол, а длинными ногами в пол другого, и затыкая уши наушниками, бросает на моё недоумение,

– Я ж не знаю, какой из него ездец, а сзади шансов выжить больше, – и уходит в себя.

– Сука! – шепчу под нос. У, всё слышавшего водителя, гостеприимная улыбка мигом сползает с лица, и он, не имея возможности ответить говнюку, который развалился барином в его машине, пытается объясниться хотя бы со мной,

– У меня стаж со школы! И ни одного штрафа за последние пять лет! – я ему верю и сочувствую. Смело усаживаюсь рядом и прилагаю недюжинную фантазию, чтобы как-то исправить неловкость,

– Шариф, откуда Вы так хорошо знаете русский?

– Я из Баку, русскую школу там окончил, университет. Сюда приехал за братом, он обосновался, родителей перевёз, семью. Ну и я следом.

– Жалеете, что уехали?

– Нет, – отвечает, а взгляд туманится лёгкой печалью, – но скучаю...

Мы выезжаем на дорогу, и вскоре я вижу настоящие пальмы, они мелькают толстыми стволами и шевелят тёмно-зелёными лапами крон. А по другую сторону море!

Я была однажды с родителями в Анапе, но так давно, что впечатлений почти не осталось в памяти. Разве что, как подцепила там какую-то заразу и проболела половину отпуска, почти не отлучаясь от туалета.

А тут! Широкий синий простор, уходящий в небо! Мы мчимся по трассе, а он всё длится и длится за окном.

– Ак Дениз, – ласково называет его Шариф.

– Что это значит?

– Белое море, потому что белая дымка, покрывает его в ранние утренние часы.

– М-да! А наше Белое море покрывает лёд в любые часы...

– Ну, так-то это Средиземное, – он что всерьёз думает, что я не в курсе?

– Спасибо, что сказал! – мне смешно, он понимает свою оплошность в стиле Капитан Очевидность, и тоже принимается хохотать.

Мы болтаем всю дорогу, Шариф делится тем, что знает про турецкие нравы и правила жизни, это ему близко. То и дело показывает достопримечательности за окном, шутит и снова улыбается. Я тоже улыбаюсь ему в ответ, смеюсь над шутками, кручу головой, боясь пропустить что-нибудь интересное, и не сразу замечаю, что пассажир на заднем сидении вытащил наушники и, глядя исподлобья, слушает нашу болтовню.

А он, перехватив мой взгляд вполоборота, застигнутый врасплох, моментально прикрывает глаза, делая вид, что спит. Ну-ну...

Где-то через час останавливаемся возле кружевных невысоких ворот, за которыми в сочной зелени утопает двухэтажный дом, белый, как кусок сахара рафинада, под коричнево-красной, похожей на печенье, черепицей.

В этом сладком раю мне предстоит прожить ближайшие полгода. Только станет ли этот сахарный домик раем?

Глава 14.

Отворив резную калитку, Шариф снова запрыгивает в машину и подкатывает к крыльцу. Оно совсем невысокое, в три плоские каменные ступеньки. Навстречу выходит полноватая женщина в длинном бордовом платье с рукавом, из-под которого видны широкие лёгкие брюки, а на голове тонкий цветной платок, повязанный на восточный манер, прикрывая лоб, но так чтобы были открыты уши, видимо, для лучшей локации.

Круглолицая, приятная, улыбочивая, с миндалевидными, похожими на чёрные сливы, глазами, сразу напомнившими Шарифа,

– Это моя ма-ма, – подтверждает догадку, растягивая от удовольствия слоги.

– А я сразу узнала! – как у них тут легко, по-семейному.

Выскакиваю из авто, не дожидаясь, пока вежливый услужливый парень обежит вокруг, чтобы открыть дверцу,

– Здравствуйте! – обращаюсь к женщине, – я Маша!

– А я – Зейнеп! – отвечает и улыбается. Боже! Они тут всегда с улыбками! Это из-за солнышка, наверное! Я сама, только приземлились и вышли из здания аэровокзала, всё время, как смайлик подковкой кверху!

– Тётя Зейнеп, – поправляет уважительно сын, вынимая багаж.

– А, как сказать по-вашему? – хочу всё познать, всему научиться! Мне сейчас весь мир обнять охота!

– Да так и называй, тётя Зейнеп, – женщина неспрослива, но Шариф приходит на выручку,

– Можешь говорить: Зейнеп ханым! – доволен, и она довольна!

– Зейнеп ханым, – повторяю, стараясь почувствовать мелодику чужого, непонятного слова и привыкнуть.

Чемоданы на крыльце, мы воркуем и смеёмся на троих, напрочь позабыв, виновника торжества. А он выползает, наконец-то из машины, и напоминает о себе, громко хлопнув дверцей. Так резко, что лицо Шарифа перекашивает судорогой, будто не по машине ударили, а по нему. Я очень хорошо знаю это выражение. Так всегда Егор реагировал, если задевали его Хонду.

Надо спасти ситуацию, и чем скорей, тем меньше неловкости,

– А это Алексей! Главный отдыхающий! Прошу любить и жаловать! – обращаюсь к Зейнеп ханым. По её лицу сложно понять, понравился ли ей гость, а вот сын и не скрывает,

– Жаловать придётся, а насчёт любви... – дальше непередаваемая игра бровей. Они у него такие яркие и густые, будто меховые, а уж до чего выразительны! Не высказать. Мама лишь косо на него глянула, и Шариф отвернулся, занявшись чемоданами, а она расплывается в радушной улыбке,

– Милости просим, Алексей-олум! – и слегка нагибает голову в лёгком поклоне.

– Можно без олума, – бурчит недовольный гость, – просто Лёша.

– Вот так-то лучше! – думаю про себя, а Зейнеп всплёскивает руками,

– Что ж я на пороге-то вас держу!

Мы проходим за ней в прохладу дома. Внизу просторно: кухня с гостиной вместе, пара спален, и какие-то хозяйственные помещения. Шариф поднимает чемоданы на второй этаж, значит, наши комнаты там.

Потом разносит вещи по разные стороны. Наверху всего две спальни, разделённые холлом, уходящим по центру в лестницу.

– Это твоё, брат, – пересиливая неприязнь, говорит парень, толкая дверь в комнату Алексея. И на этом считает дело исполненным. Зато со мной проводит полный экскурс.

Заносит чемодан, показывает, как открывается балконная дверь. Боже! Это не балкон – это чудо какое-то! Он огромен, занимает площадь целой комнаты! Выложен узорной плиткой в бежево-коричневых тонах, со столиком и парой плетёных кресел! Сверху крыша, а от неё вниз зелёный рулонный тент, наподобие римской шторы,

– Это когда от солнышка захочешь укрыться, – разматывает шнурок, привязанный к крюку в стене.

– Не надо, подними! – какое: укрыться, – я ещё не насладились им! – парень смеётся, я тоже. До чего же хорошо! Напротив, ещё один двухэтажный дом побольше,

– Там живёт Мансур, его семья и родители, и я, а внизу! Маша, иди сюда! – Шариф увлекает меня ближе к перилам,

– Бассейн! – под нами прозрачной голубой чашей ширится персональный водоём! – можно плавать? – я уже почти визжу от переполняющих эмоций!

– Конечно, можно! – радостно подтверждает.

Потом учит пользоваться кондиционером, ловит мне пару русских каналов на ТВ. Объясняет, что горячая вода подаётся из баков на крыше, подогреваемых солнцем и, поэтому, когда задумаю помыться утром, она будет только тёплой, а вот вечером надо быть осторожней, чтобы не ошпариться. Я слушаю очень внимательно и запоминаю.

Мы бы так болтали и болтали, но Зейнеп ханым зовёт спуститься к ужину, надо идти.

Перед этим забираю дорожный контейнер с лекарствами, проверяю с замирием сердца на холод, слава Богу, индикатор не покраснел. Надо ещё у Алексея из чемодана забрать.

– Возьми вниз в холодильник, – прошу Шарифа.

– Это что? – не понимает, потом догадка и сожаление, – ты больна, Маша? – в глазах неподдельное сострадание и боль.

– Нет, что ты! – я хочу, чтобы он улыбался снова, – я абсолютно здорова!

– Он? – мотает головой в сторону противоположного крыла.

– Ага, – Шариф сразу светлеет, а мне неловко от того, что ему настолько безразлично.

А он ещё добавляет,

– Вот потому и злой! – ох, наверное, ты прав, парень. Но я здесь не для того, чтобы гость был злым, так что,

– Спускайся, я сейчас, – он послушно уходит, а мне надо хотя бы переодеться во что-то полегче, проконтролировать очередную инъекцию и забрать у буки-злюки основной запас инсулина, чтобы тоже отнести в холод.

Достаю из чемодана хлопковый сарафан на тоненьких бретелях. Он такой воздушный, совершенно летний из лёгкой голубой жатки, как раз и гладить не придётся. А я так хочу скорей почувствовать лето на своих плечах, всей кожей напитаться солнцем, что, ныряя в него, радуюсь ещё больше! Выскакиваю на минутку на балкон, птички щебечут! Босые ноги наслаждаются теплом нагретого камня. Красота!

Возвращаюсь вприпрыжку в комнату, вынимаю массажную щётку и пробегаюсь несколько раз по волосам. Они не очень длинные, едва до лопаток, но достаточно густые и редкого бело-соломенного оттенка, причём, это мой натуральный! По-моему, я – красотка!

Запрыгнув в шлёпки, бегу к соседу. Надо поторопить на ужин и лекарства забрать. Интересно, тётушка Зейнеп в курсе его диеты? Наверное, Кременецкая оговорила этот вопрос заранее?

Размышляю, что делать, если это не решено, и стучусь в его апартаменты. Ответ нулевой. Потом вспоминаю, что наш бука вечно с заткнутыми ушами, и тихонько приоткрываю дверь...

Глава 15.

Заглядываю. Его владения – зеркальное отражение моих: сначала узкий коридорчик, слева душ и туалет, справа спальня, а впереди зала. Из коридора никого не видать, и я делаю несколько бесшумных шагов по ворсистому ковровину. Потом смотрю, балкон открыт, а там он!

Без одежды после душа! Только полотенце вокруг бёдер. Стоит спиной и меня не замечает. Широко раскинутыми руками уцепился за металлическую трубку, на которой крепится римская штора, так что тело вытянуто во весь рост, подчёркивая мужской разворот плеч. У него отличная фигура, без нарочито выделенных бицепсов и трицепсов, просто, гармоничная. Хорошая фигура молодого мужчины.

Подхожу ближе, до самого балкона. Останавливаюсь возле раскрытой двери.

Вижу, капли воды, срывающиеся с мокрых тёмных кудрей, сбегая дорожками между лопаток, собираясь вместе в общее русло во впадину позвоночника. Слежу, как этот ручеёк торит путь вдоль спины к пояснице и уходит в соблазнительную лунку под махровое полотенце, так низко повязанное, что видно симметричные поясничные ямки.

Стою, как заворожённая, и не могу ни уйти, ни окликнуть. Просто смотрю и всё. Нет, если честно, люблюсь. Нет изъянов. Кожа не совсем белая, как у меня, но и не очень смуглая, скорее, слегка персиковая, такая, какую любит солнышко, золотя без ожогов. От вида красивого мужского тела, где-то в глубине организма неожиданно зарождается сладкая тревога. Я знаю это ощущение! Оно редкое и оттого узнаваемо. Чем-то напоминает предчувствие подарка под ёлкой в пять лет.

Это невозможно! Он мне даже не понравился, высокомерный, надменный маменькин сынок, из тех, которые твёрдо уверены, что мир создан исключительно для их прихотей. Но факт есть факт, уши горят, губы тоже, в груди томление, как перед чем-то неизбежным, пугающим и, в то же время, желанным. Надо уходить, а как пригвоздили!

Наоборот нестерпимо хочется подойти сзади и выпить эту мокрую дорожку на его позвоночнике, собрать капли губами между лопаток, там, где их так много вразброс, потому что я тоже хочу попробовать его кожу вразброс. Интересно, какой запах у его геля для душа? Хвойный, цитрус, а может морской бриз?

Мне кажется, последний. Вот бы убедиться! Всего пара-тройка шагов, и уловлю аромат! А ещё, мне кажется, да нет, уверена, что его кожа на спине очень нежная и мягкая. Если бы пальцами дотронуться! А на животе ещё мягче и нежнее! А грудь? Какая у него грудь? Волосяная или гладкая, или он эпилирует её по дурацкой моде?

Лично я не люблю, когда парни делают из себя ненастоящих пластмассовых Кенов, я за натуральность! А есть ли у него такая завлекательная курчавая дорожка от пупка вниз? Это, на мой взгляд, самое пикантное место у мужчин. Тонкая кожа внизу живота и короткие волоски, как специально собирающиеся стрелкой, чтобы выдать, где кроется главный секрет.

Опускаю глаза, мне надо увидеть ноги! Без брюк, это важно! Да, конечно, они волосатые, как и положено каждому уважающему себя снежному человеку, но сейчас я не о том! Скажете, красивые ноги для мужика не обязательно? Всё равно, вся жизнь в брюках. А я люблю, чтобы они были пропорциональны, не колесом и не иксом, с хорошо развитыми икрами, в меру узкими щиколотками, длинными голеньями, сужающимися к колену и выпуклыми упругими, а не плоскими или по-бабски широкими бёдрами. Именно к таким узким выпуклым бёдрам всегда прилагается красивый аккуратный плотный мужской зад.

То, чем богат Кузя, не впечатляло. Но он сначала лежал в гипсе, так что непонятно было, а потом разглядывать уже не имело смысла. Да и ничего интересного.

А вот то, что я вижу сейчас, сексуально! Это тело сверху донизу отвечает моим представлениям о мужской красоте. Такой, которая меня, как женщину, не может оставить равнодушной.

Поэтому после того, как едва дышу уже несколько минут, неизбежно, делаю слишком шумный выдох!

Всё! Спалилась!

Алексей резко оборачивается и теряется от неожиданности, увидев в каких-то трёх – четырёх шагах меня, созерцающую его практически обнажённое тело. Инстинктивно хватается за край полотенца, словно проверяя, не выскочит ли подвёрнутый уголок только от моего голодного взгляда, а проследив за ним, ещё и краснеет вдобавок. И сдавленно уточняет,

– Маша? – как будто я изменилась до неузнаваемости. Ну, да, изменилась! Наверное, глаза горят, как у вампира при виде жертвы!

Я тоже краснею! Стыдно, надо же, так откровенно выдала себя! Поплыла, как дурочка пятнадцатилетняя, влюблённая в какого-нибудь слащавого кумира! И продолжаю плыть! Сил хватает только опустить глаза.

Пальцы! Теперь я упёрлась взглядом в его босые ступни. Боже! Они совершенны! Не расплющенные ласты, наоборот, за счёт высокого подъёма, достаточно узкие, но вовсе не женственные, без выпирающих плюсневых костей, с длинными, почти как на моих руках, пальцами, причём не молоткообразно подогнутыми или наезжающими друг на друга, а идеальными, с такими же идеальными ровными ногтями!

Я залипла, мне нравятся даже несколько тёмных волосков на фалангах больших!

Осознавая неловкость ситуации, выдавливаю первое, что приходит на язык,

– Привет! – глупо, ну так я сейчас и есть дура!

– Привет... – изумляется, – давно не виделись! – надо завязывать пялиться на его босые ноги, но тогда придётся поглядеть в глаза. И вспомнить, как я тут очутилась? Зачем-то пришла? Ах, да!

– Зейнеп ханым звала на ужин, ты слышал? – наконец, поднимаю голову.

– Нет, наверное, душ, как раз принимал, – отвечает, а сам ищет взглядом ответы на свои вопросы: какого чёрта я нарушила его покой? Или что-то иное? Почему он так смотрит?

Я и позабыла, что на мне лёгкий сарафанчик, на тонких бретельках, не предусматривающий бюстгалтера!

Эта нелепая ситуация, когда мы полураздетые изучаем друг друга, стыдимся, краснеем, но продолжаем, а слова не несут никакого смысла, разве что являются лёгкой слабой вуалью, которая не может скрыть неловкости, дольше длиться не может,

– Я за тобой и за инсулином! – фух! Обосновала вторжение на чужую территорию.

– Сейчас... – медлит, а потом всё же отрывается, огибает меня так аккуратно, словно боится, что бьётся током. Пытается присесть возле полуразобранного чемодана, потом соображает, что полотенце при таком раскладе разъедется, и чертыхнувшись, хватается за шорты, попавшиеся на поверхности, – я сейчас, – повторяет ещё раз и скрывается в ванной.

Яблоко! Он пахнет яблоком, сладким ароматным, спелым, медовым, наполненным солнцем и свежестью! Вкусно!

Жду. Возвращается довольно скоро в спасительных синих шортах, и уже смело присаживается на корточки возле раскрытого чемодана. Я не гляжу, как он перерывает своё имущество,

– Вот, всё здесь! – подаёт пластиковую коробку, – можешь забрать себе!

– Спасибо! – за что благодарю? Впрочем, – так и хотела! – сбегаю, надоело испытывать неловкость на ровном месте,

– Про укол не забудь...

Глава 16.

Выхожу. Притворяю за собой дверь. И стою столбом.

Что это было? Что это такое сейчас было?! Мне сорвало крышу от стрессов? Или горячее турецкое солнышко так распалило гормоны, что поплыла от первого встречного?

Я этого Алексея Гольдмана знаю меньше суток! Предстоит полгода ходить за ним тенью, контролировать, что он съел или выпил, когда лёг спать и во сколько встал? И не слишком ли перенапрягается, играясь в свои взрослые игрушки? Измерять сахар в крови и тупо следить, как он помочился, не сахарным ли сиропом? Считать, сколько единиц инсулина ввести, и не прозевать время инъекций. И ещё потакать его капризам и наблюдать недовольство и барские замашки, когда он людей ни в грош не ставит, как сегодня Шарифа, когда ехали из аэропорта.

Мне надо быть с ним беспристрастной и, я бы сказала, бесстрастной, сознавая, зачем меня приставила к нему заботливая мамаша. А я?

Стоило увидеть мужика без одежды, и превратилась в похотливую самку!

Наверное, было бы намного лучше, если бы он оказался слюнявым идиотом в инвалидном кресле. По крайней мере, с такими всё понятно и просто.

Что он подумал? Боже, что он мог подумать?! Беспринципная шлюха, только что на его глазах расставшаяся с одним мужиком, переобулась, можно сказать, в полёте. В прямом смысле, в полёте! И уже нашла новую жертву!

Невозможно стыдно! Приставляю всё ещё ледяной контейнер к горячим щекам, то к одной, то к другой!

– Машенька, дочка! – Зейнеп услышала, что хлопнула дверь, и зовёт к столу. Сейчас он поймёт, что я так и топчусь возле его комнаты! Не откликаясь на призыв доброй ханым, мышью спускаюсь по лестнице, а ей невдомёк, почему я такая тихая, – тебя и не слышать? Огорчилась отчего-то? Такая была весёлая, радостная, а теперь замолчала совсем? – Господи, сделай так, чтобы она говорила хотя бы на полтона тише! – номер не понравился? – продолжает, – может Шарифчик обидел чем?

Фу-ф! Наконец-то спустилась, и орать ей больше незачем,

– Да что Вы, Зейнеп ханым, отличный номер! А балкон – чудо! Мне всё понравилось! – надо её как-то заговорить, – а чем это так вкусно пахнет? – сую нос к плите. Но пахнет и, правда, божественно!

– Плов! Специально к приезду гостей! К вашему приезду! Мой фирменный с бараниной! Пальчики оближешь! – тут же срывается в оправдания, – не хвалюсь, сами попробуйте с Лёшей и узнаете!

Я сегодня уже питалась рисом в самолёте, но с удовольствием отведаю фирменного плова Зейнеп ханым,

– Уже по запаху можно сказать, что блюдо божественно! – рассыпаюсь в комплиментах, и не сразу доходит, что Алексею-то это яство не годится!

– Зейнеп ханым, – захожу осторожно, так не хочется обижать гостеприимную хозяйку, – а Вам не сообщили, что гостю нужно особое питание? И вот, – показываю контейнер, – лекарства бы поместить в холод.

Она немного медлит, напряжённо соображая, и вспомнив, тут же меняется в лице, руки к потолку воздевает,

– Ой, Аллах, Аллах! Накажи меня дуру беспамятную! Говорил мне Мансур! Ещё в самом начале, когда бронь оставили, да я позабыла совсем! – тут же без перехода, – давай лекарства! – идём к большому двухстворчатому холодильнику, – вот, – показывает, – Шариф уже что-то положил, занимай всю полку! – а сама всё причитает, – горе мне горе! – задаёт вопрос – что же

делать-то теперь? Кроме салата к основному блюду и сыра, ничего нет, и приготовить не успею! А к чаю сладости! – ну, совсем хорошо!

Не знаю, что и сказать? И её жалко, и...

– Ничего не делать! – раздаётся сверху, – я тоже хочу плова с бараниной! – задираем головы вверх.

Очередная белая футболка, ладно севшая по плечам и слегка свободная на талии, так отлично контрастирующая с его почти чёрной шевелюрой и тёмно-какими глазами, синие шорты чуть выше колен. Ноги... опять на ноги гляжу, в сланцах. И как мне теперь это развидеть?

Спускается.

Он издевается надо мной, что ли? Булку стащил, теперь плов ему подавайте! Зейнеп ханым смотрит вопросительно, а я даже не знаю, что делать? Зато он знает,

– Не расстраивайтесь, тётушка, всё будет отлично! – с чего бы? – у меня же фея есть, – усмехается прямо в глаза, – ангел хранитель приставлен, так что спасёт!

– Можно, я сама ему положу, Зейнеп ханым? – лучше уж так, а то она сейчас наворотит с горой от всего сердца.

– Да, конечно, дочка, – с облегчением, – клади, сколько нужно! А завтра я отдельно буду готовить для нашего дорогого гостя!

Дорогой гость пренебрежительно фыркает и усаживается, как барин, мол, давайте, мечите харчи на стол.

Накладываю примерно со стакан, а сама бы хоть полказана слопала, до чего же аппетитно пахнет и выглядит, стараюсь риса поменьше, мяса побольше, всё-таки, баранина не жирная, потом сжалившись, добавляю ещё пару ложек с верхом, и ставлю под нос.

– Тю-ю... и это всё? – а чего ждал-то?

– В овощах не ограничен, на сладкое даже не рассчитывай! – сразу даю понять, что на этом поблажки заканчиваются, дальше не уступлю. Но он – стервец всё изворачивает по-своему,

– В каком смысле, не рассчитывай? – и вот теперь я не понимаю, это намёк? Судя по лукавой хитринке во взгляде, точно не конфеты имел в виду.

Двусмысленность вопроса буквально повисает в воздухе, густеет, и уже осязаема. Кажется, абсолютно очевидным подтекст, причём, чем дольше тяну с ответом, тем очевидней.

– Во всех! – на всякий случай перекрываю все смыслы.

– Не больно-то и хотелось, – деланно равнодушно, ковыряясь при этом в тарелке, а потом ещё и вздох обиженный, – я привык к воздержанию.

Ничего не отвечаю. Если честно, то мне его даже жаль. Сейчас бы нарубался плова, напился чаю с какой-нибудь халвой-пахлавой и был бы счастлив. А так никаких радостей в жизни. Причём давно, Ирина Львовна сказала, что почти с начальной школы.

Но жалость снимает, как рукой, когда вижу смеющиеся глаза! Вот подсвинок!

Зейнеп ханым пытается хотя бы меня накормить, как надо, но я торможу её порыв,

– Всё, всё, мне достаточно! – не хватало ещё усесться напротив него с целой лоханью плова. Хозяйка вздыхает.

Глава 17.

Ужинаем молча. Но постепенно неловкость исчезает, Тётушка Зейнеп присаживается на уголок к столу, Алексей зовёт её покушать с нами, она отказывается, и просто тает от комплиментов в адрес своего произведения. Мы нахваливаем на два голоса! И не такой уж, оказывается, это маменькин сынок говнюк, умеет правильно себя вести.

Хозяйка разъясняет, как мы будем сосуществовать. Вся их большая семья проживает в соседнем доме, том, что я видела с балкона, но пока гостим, она будет приходить каждый день, готовить, убирать, стирать и, если нужно, может оставаться с ночёвкой в спальне рядом с кухней.

– Конечно, как Вам будет удобно! – тороплюсь согласиться, и только потом понимаю, что решать не мне. Не я же гостя.

Но Алексей не возражает. Напившись чаю без ничего, поднимается и, буквально поцеловав ручку кулинарке, говорит,

– Спасибо, плов божественный! – отбывает к себе.

Зейнеп ханым, успевает потрепать его уже высохшую кудрявую макушку напоследок прямо, как ласковая мамочка и, совершенно растаяв, сопровождает влюблённым взором. А он даже не взбрыкнул!

Зато я теперь могу спокойно насладиться рулетом с нугой и орехами.

– Вы – пара? – спрашивает тихонько, когда хлопает дверь наверху.

– Не-ет, что Вы, мы только сегодня познакомились, – я просто медсестра при пациенте.

– А я вот чувствую, что ток между вами пробегает, – улыбается таинственно, – знакомьтесь, знакомьтесь...

– Спасибо, Зейнеп ханым, всё было очень вкусно, – пора закругляться. Не нужен мне этот ток, не к добру, – надо проконтролировать кое-что, а потом поговорим о диете...

Поднимаюсь на второй, и каждая ступенька – шаг в неизвестность. Он притягивает меня и отталкивает одновременно. И цепляет, и дистанцирует. Вот интересно, укол сделал? Может, обижу, если проверять приду! Но ведь это теперь моя забота.

Стучусь.

– Не заперто! – это типа: войдите!

Захожу. Развалился вальяжно в кресле, опять в планшете своём ковыряется.

– Алёш, ты кольнулся перед ужином? – стараюсь быть очень вежливой, прямо елейной. Дежурная шприц-ручка у него всегда при себе.

– А ты-то на что? – нагло так, с вызовом. Неужели, забыл? Или нарочно? Чего взъелся? Только что всё хорошо было! – или думаешь, в сказку попала?

– Честно говоря, была такая мысль! – мне тоже палец в рот не клади, ответить сумею, – думала, что за принц такой распрекрасный? – а на самом деле, засранец, думаю!

– Вместо уroda, за которым горшки убирать и штаны менять? – от него аж заискрило! И гаджет на пол кинул! Хорошо хоть ковёр ворсистый, – не скрою, свербела мысль навалить в штаны, чтобы тебе было, чем заняться! Давай, отработывай зарплату! Да вот не смог, не настолько же придурок!

– Ты слышал? – как такое возможно? Достаточно далеко, плюс стена, хоть и стеклянная, но всё-таки, преграда! – Ирина Львовна тоже?

– Нет! Мама нет, только я, – бурчит под нос, опустив голову.

– Но, как?

– У меня слух феноменальный, и по губам понятно, – вроде, немного сбавил накал. Но неудобно, жуть!

– Ты прости меня, Лёш! Я же ничего не знала! Я вообще, в сердцах была! – подхожу к нему, оправдываюсь. Обидела! Знаю, что сильно зацепила! Я бы уж давно всё вывалила, а он ещё держался столько, – ты классный, красивый, никакой не инвалид, и уж точно, не урод! – нельзя парням такие комплименты делать, моды не имею. Но, как мириться то? – впрочем, сам про себя всё знаешь. Простишь? – набираюсь наглости и кладу ладонь на его руку, которой он в подлокотник вцепился, так что пальцы побелели.

– Ты, прости, – тут же успокаивается, как будто я нащупала заветную кнопку на его кисти, – чего-то понесло меня не туда.

– Всё нормально, – отпустить не хочется, рука тёплая, мягкая, я как приклеилась. Он сосредоточенно смотрит, на мою сверху. Не пойму, хочет, чтобы сняла? – давай кольнёмся? – всё-таки, убираю.

– Да я всё сделал, – уже спокойно.

– Сахар проверим?

– Валяй!

– Где глюкометр? – теперь на меня смотрит мальчишка-хулиган,

– Найди! – и как мне привыкнуть к этим его перепадам? Перескокам.

Иду к бюро, выдвигаю ящик. Угадала, достаю,

– Ничего сложного.

– В другой раз подготовлюсь! – усмехается.

– Измеришь? – подаю всё в руки, а он не берёт,

– А, что это я за тебя твою работу делать буду? – ох, какой же, всё-таки, противный! Как он меня нервирует!

– Но перед ужином-то проверял! – смотрю на последнее показание.

– А сейчас твоя очередь! – ну ладно, хоть по очереди.

Манипуляция взятия крови на анализ несложная, элементарная, но для меня становится испытанием.

Разовые спиртовые салфетки – удобная штука. Особенно, когда надо волнение скрыть. Пока упаковку откроешь, пока вытянешь за уголок, оборвёшь, крышку снова защёлкнешь.

Не знаю, чего меня потряхивает? Я ж медсестра, всё умею, а тут никаких премудростей. Но, когда он доверчиво подаёт руку, и я беру её тёплую в свою, возникает безумное желание прижать к щеке. Словно наваждение. Мотаю головой, отгоняя странные желания. Начинаю обтирать мягкую подушечку безымянного, у него очень красивые длинные аристократические пальцы, правда, подушечки все в мелких точках проколов. Приставляю автоматическую иглу и, закусив губу и затаив дыхание, делаю ещё один.

По-моему, он тоже не дышал, только глядел в это время не на палец, а на меня, такую сосредоточенную, потом выдохнул.

– Нормальный результат, – тестирую анализ в аппарате. Надо же, всё у него под контролем, даже с учётом срывов диеты. Зачем я понадобилась. Но работодательница ждёт отчёта, – возьму на минутку? – спрашиваю про глюкометр. Надо сфоткать и отправить ей показания, а телефон в номере.

– Да, пожалуйста! Можешь доложить, что жертва материнской любви чувствует себя прекрасно! – фыркает недовольно. Вот, что за человек? Нет бы, благодарить мать, за то, что создаёт такие условия! А он недоволен!

– Спасибо, – ухожу, пускай дуется дальше.

Странный парень, красивый, обеспеченный, беззаботный, но что-то с ним не то. Ему бы самое время девок кадрить, пользоваться свободой и материальной в том числе. Уж, условно, мамуля для своего чадушка ничего не жалеет.

А в нём обиды сидят. И нервозность, и ранимость такая, будто нет никакого охранительного барьера, будто кожи нет. Счастлив ли? Непонятно. Из-за болезни такое поведение вряд ли возможно, за столько лет адаптировался бы уже сто раз.

Не парень, а загадка...

Глава 18.

Придя к себе, частично заполняю дневник «Самоконтроля для диабетиков», который мне положила вместе со всем арсеналом Ирина Львовна. По идее, самоконтролем должен заниматься сам диабетик, но как он там выразился: я не в сказке.

Потом фотографирую показания глюкометра, свежие записи из дневника и отсылаю банкирше. В ответ приходит сухое «спасибо» и вопрос,

– Как долетели, как Алёша?

Пишу длинную подробную ответную речь, опуская момент с ужином, зачем ей знать, что Зейнеп слегка запамятовала, что такое «Стол №9».

Получаю изображение большого и указательного пальцев, соединённых колечком, значит, всё ОК.

Потом делаю несколько фоток внутри номера и с балкона: зелень сада, бассейн, соседний дом. Уже темновато, солнышко вот-вот скатится за гору, но ещё ничего, завтра красоты им пошлю. А сейчас так пока. Набираю маму, она тут же принимает звонок,

– Машуля, ну как ты там?! – в голосе тревога.

– Отлично, мам, здорово! – и начинаю по порядку рассказывать, как летели, как ехали с Шарифом, как замечательно нас встретили, плов – просто чудо!

Мама, включив громкую связь, ахает, а папа довольно добавляет вполголоса,

– Ну, я ж говорил, Верунь, нечего было так волноваться, – а я всё слышу. А ещё чувствую некоторую заминку по поводу Кузи, которого мои доброхоты отправили в аэропорт по горячим следам. Но они молчат об этом, и я молчу. В конце концов, сама виновата, что не рассказала им ничего. Мои дорогие думали сделать, как лучше, а получилось, как всегда.

Дав подробный отчёт, уже собираюсь прощаться, всё-таки, международный тариф, чего впустую деньги тратить, но мама ставит меня в тупик,

– Дочка, а как инвалид? Очень тяжёлый? Проблемный? – и что отвечать? Подумав пару секунд, рассказываю, как есть,

– Только диабет, руки, ноги, голова – полный порядок!

– Маленький, что ли? – маме, конечно, надо знать всё!

– Примерно моего возраста, – что сейчас будет!

– Так зачем ты тогда ему нужна-то? – папа зрит в корень! Мне бы тоже хотелось понять зачем!

– Ну, инсулин колоть, глюкозу в крови измерять, за диетой следить и режимом, – даже смешно, но родители в этом вопросе не сильно просвещены, так что вроде верят,

– Ты там хорошо следи за ним, чтобы мама его была довольна! – эх, дорогие вы мои, даже не представляю, чем была бы довольна его мама.

Потом мы прощаемся, отпускаю звонкий чмок в трубку, они смеются, и думаю, теперь будут спать спокойно.

Спохватившись, что не обсудила с хозяйкой диету, скорей бегу вниз.

– Ой, Машенька, а я уж сама хотела к тебе подняться, но вдруг ты заснула? Всё-таки, с дороги, как-никак.

– Да я вроде бы и не устала, в самолёте поспала, – гляжу, она намыла большое блюдо каких-то жёлтых фруктов. Не груши, не яблоки, – а что это, Зейнеп ханым?

– Мушмула, детка, попробуй! Шарифа специально отправила на базар, пока не закрылся. Алёшу побаловать хоть чем-то, а то остался парень без сладкого, – и опять мне чудится намёк, хотя в словах хозяйки его точно быть не может.

Беру маленькое яблочко, фрукт очень на него похож, только размером с крупный абрикос и по цвету такой же. Пробую. Вкус даже не могу объяснить: достаточно сладкий, сочный, чем-то и правда смахивает на абрикос и на яблоко сразу, очень приятный. Но сомневаюсь,

– А, можно ли ему? Ну, один-два-три – это куда ни шло...

– Да, что ты, дорогая моя, – всплёскивает руками, – медлар – это у нас на родине так называется, как раз полезен! Помнится, сосед наш Расул только на него и налегал, а он диабетик со стажем!

И всё же посоветуюсь с Гуглом. Набираю название и получаю среди прочего:

«Мушмула рекомендована при сахарном диабете. Тритерпены, входящие в состав, стимулируют выработку в крови инсулина. Потому полезно употребление мушмулы диабетикам: вкусно, разнообразит небогатый рацион, снижает уровень сахара...»

Не знаю, что такое тритерпены, опасаясь не стать бы этим тритерпеном самой. С таким-то пациентом действительно терпение придётся помножить на три, но понимаю, что мне сейчас хорошо на душе,

– Ну, так я отнесу? – отсыпая в глубокую пиалу половину, и тороплюсь порадовать капризную.

– Беги-беги, пускай мальчик побалуется! – Зейнеп ханым солидарна со мной.

Это мы его просто жалеем по-бабски? Или что?

Даже не знаю. Хозяйка, наверное, как мать, а мне очень хочется снова увидеть задорную мальчишескую улыбку на лице этого буки. Когда он смеётся или улыбается, становится необъяснимо легко и приятно.

Стучусь. Как обычно,

– Не заперто! – думай, что хочешь, то ли можно войти, то ли нет!

– Лёш, – всё-таки, вторгаюсь, у него почти темно, рубится в планшете в какую-то игралку, – тут тётя Зейнеп побаловать тебя решила! – торжественно преподношу пиалу с фруктами. Присматривается, потом берёт в руку один,

– Аа, мушмула. Полезна таким, как я для выработки инсулина, – откусывает, жуёт, – ничего, неплохая, – добавляет с уверенностью опытного эксперта.

А я вот думаю, всё-то он знает о болезни своей, о том, что полезно, что вредно, уверена, даже больше меня, всё может контролировать сам,

– Лёш, ответишь на один вопрос? – стою напротив, опершись на бюро и наблюдаю, как он весь в азарте шустро жмёт кнопки. А я тут мешаюсь с глупыми вопросами.

– Если знаю ответ, то конечно, – соглашается, не отрываясь от игры.

– Зачем я тебе нужна? – делаю небольшую паузу и жду. Он останавливает увлекательное занятие и поднимает удивлённый взгляд, а я добавляю, – ты – взрослый человек можешь прекрасно обходиться без няньки и соглядатая. Зачем я тебе понадобилась?

– Не знаю... – смотрит недоумённо, будто только сейчас задался вопросом, – медик для сопровождения. Мама сказала: для страховки, если что-то пойдёт не так...

– Если что-то пойдёт не так, тебя госпитализировать придётся, как и меня, например, если что-то не так. Остальное и сам сможешь. Тогда нанимала бы уж сразу врача! – он призадумывается, в потёмках не понимаю выражения лица,

– Наверное, потому что она мне не доверяет, – хмыкает, – я бываю очень недисциплинированным пациентом. Сказала: поедешь с медиком, я не стал спорить.

– И даже было не интересно, что за медика к тебе прикомандировали? – хочется понять, он заодно с мамулей?

– Да я ехать-то не хотел!.. – потом его мысль делает неожиданный вираж, – а тебе было интересно, кого ты сопровождать собиралась? Какого инвалида-урода? – похоже, памятьлив! Теперь чуть что, так и будет носом тыкать.

Молчу, что тут скажешь, крыть нечем. Поворачиваю на выход.

Вдруг получаю между лопаток лёгкий удар, не больно, но что-то ударяется сначала в спину, а потом едва слышно об пол, покрытый ковром. Резко разворачиваюсь, и инстинктивно ловлю мушмулу,

– Ах, ты так?! Вот тебе! – бросаю прямо в него. Он хохочет, получив в плечо,

– Войнушка?!

– А, то! – быстро нагибаюсь, снаряд пролетает мимо, резво подбираю первый и пуляю в Лёху, – и пленных не берём!

– Это мы ещё посмотрим! – заявляет обнадеживающе, и опять я чувствую в его словах подтекст...

Однако, очень быстро об этом забываю, потому что сука – Гольдман довольно метко бомбардирует меня мушмулой. Ему-то проще, у него пиала со снарядами под рукой, а мне остаётся только подбирать их, путаясь в ворсе ковра почти в потёмках!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.